

КОНСТАНТИН
ФРЕССИ

СВЕТЛАЯ
ЛЮБОВЬ
ТЕМНОГО ЛОРДА

Константин Фрес

Светлая любовь Темного Лорда

«Литнет»

2025

Фрес К.

Светлая любовь Темного Лорда / К. Фрес — «Литнет», 2025

Я должна была выйти замуж. Но жених бросил меня, предал, опозорил на весь город, и называет невестой другую. И я принесла себя в жертву, согласилась стать избранной для странного ритуала Темных Господ, заменить собой младшую сестренку и спасти ее от этой участи. Потому что сердце мое умерло. Но и моя жертва была напрасна. И мы обе, я и младшая сестра, должны быть брошены в темные холодные шахты, в самую стужу зимой. Потому что по легенде тепло наших тел должно вернуть жизнь этой древней скале. Мы своим присутствием должны оживить дом Темных господ. И теплом своих тел пробудить к жизни Темного Господина, отогреть его в постели и разбудить от многолетнего сна...***

© Фрес К., 2025

© Литнет, 2025

Содержание

Глава 1	5
Визуалы	9
Глава 2	10
Глава 3	13
Глава 4	18
Глава 5	22
Глава 6	24
Глава 6. 2	26
Глава 7	29
Глава 8	32
Глава 9	35
Глава 10	39
Глава 11	43
Глава 12	45
Визуалы! Выбираем гг!	49
Глава 13	50
Глава 14	53
Глава 15	56
Глава 16	59
Конец ознакомительного фрагмента.	63

Глава 1

— Да как ты мог так поступить со мной?!

Мне кажется, что я кричу.

От крика разрывается все мое существо. Тело словно разлетается на крохотные пылинки по вселенной.

Но на самом деле я не произношу ни звука.

Даже вздохнуть не могу.

Горло пережато спазмом вернее, чем удавкой.

Он казнил меня. Мой жених, мой любимый, мое дыхание, мое солнце и моя жизнь...

Мой удачливый охотник. Быстрый и смелый Йен.

Своим поступком он казнил меня. Вздернул быстро и без колебаний, словно воровку на эшафоте.

И оставил задыхаться и биться.

Страшное и жалкое зрелище.

— Прощу меня простить, — церемонно говорит он, почтительно склонив передо мной голову.

Слишком беспечно и легко. Безжалостно, без капли стыда.

Смотрит мне в глаза, а в них нет сочувствия или раскаяния.

Только мечтательная отстраненность.

Я видела у него такой взгляд, когда он лежал летом, в траве, нагретой солнцем, на холме. И смотрел в небо, в проплывающие облака.

Когда мы строили с ним планы на будущее...

А сейчас его будущее стоит рядом с ним.

Тия Бартон. Она почти что самая завидная невеста нашего городка, затерянного между Темных скал, у Зеркального озера...

Она держит его под руку.

Нарочно к нему принакает и сморит на меня с видом победительницы.

Уголки ее розовых губ чуть подрагивают, и я вижу, как она всеми силами старается не расхохотаться издевательски мне в лицо.

Она знает наперед, что меня ждет.

Побои от родных, презрение со стороны всего поселка.

Мне придется сторониться людей, потому что меня могут и камнями закидать, если встретят на улице. Потому что у нас от невест отказываются только в самых редких случаях.

Когда невеста нечиста...

И она знала это, перебегая мне дорожку и принимая ухаживания моего жениха.

От ее вида, вида победительницы, мне становится еще дурнее.

Сглатываю ком, душащий меня, и чувствую, как льются слезы.

Плакать перед этой парочкой стыдно.

Но я никогда не ощущала себя большим ничтожеством, чем сейчас.

Я раздавлена. Я такая жалкая, что самой от себя противно. Ненужная. Негодная. Брошенная, словно сломанная вещь.

О, лучше б мне умереть!..

— Ты же клялся мне в любви! Ты клялся всем, и моим родителям тоже, что мы будем вместе! Ты говорил, что весной мы поженимся! — пролепетала я.

И тут же стыжусь этих ненужных жалких слов.

К чему просить у того, кто все решил?

Вымаливать все обратить вспять?

Вымаливать любовь, которой уже нет?..

Я замолкаю, оглушенная жгучим стыдом.

Хотя хочется кричать, плакать и молить!

— Я больше не люблю тебя, — отвечает Йен равнодушно. И эти слова проводят еще одну кровотокающую полосу на моем истерзанном сердце. — Да и никогда не любил, наверное. Ты дорога мне как сестра. Но не как жена.

Я даже внятно говорить не могу. Я что-то лепечу, но из горла моего вырываются только бессвязные звуки да хрип.

Все мое существо вывернуто наизнанку.

Мне кажется, я сейчас упаду. Скачусь ему в ноги. Будто умоляя Йена передумать, вернуться ко мне.

— Они же со свету меня сживут, — в ужасе произношу я свой главный страх. — Забьют до смерти!.. Ты же знаешь!.. Зачем обещаться девушке, если не можешь и не хочешь исполнить своих клятв?!

В семье, где десять детей, и семеро из них девицы, которых выдать замуж не так-то просто, потому что приданое у всех бедненькое, отказ жениха от невесты просто трагедия.

А для таких родителей, как мои, и вовсе смертельный грех, и позор.

И, разумеется, в этом позоре виновата буду я!

Не смогла удержать любовь жениха!

Значит, вела себя как-то не так. Была недостаточно услужлива и мила со своим будущим господином-мужем.

Или вовсе — жених отведал запретного до свадьбы. И более ему ничего от бедной невесты не нужно.

Люди злы; они обязательно будут шептаться об этом за моей спиной.

И мать с отцом предпочтут смыть этот позор кровью.

Моей кровью, разумеется! Так что расправы мне не избежать...

— Так вышло, — разводит руками Йен.

А Тия жметя к нему сильнее, вспыхивает румянцем и тихонько смеется, абсолютно счастливая.

Глаза ее сияют.

— Я был с Тией, — твердо, чеканя каждое свое бесстыдное и безжалостное слово, говорит он. Словно вбивает гвозди в крышку моего гроба. Навсегда гасит солнечный свет над моей головой.

Был — значит спал.

Обнимал ее обнаженные бедра, касался дрожащего живота.

Сливался воедино с ее юным телом.

Любил ее, властвовал над ней, заставлял ее отдавать ему самое сокровенное, и любовался ее прелестями.

От одной мысли, что эти двое, может, всего день назад в жаркой постели играли в самую сладкую и бесстыдную игру, меня мутит.

Видение обнаженных тел, переплетенных рук и ног, преследовало меня.

В ушах звучали сладкие стоны.

И вместо крови по моим жилам бежал жидкий огонь, от которого я корчилась и умираю...

— Я обесчестил ее. И перед ее родителями повинился. Я обязан жениться на этой девушке!

— Что?! Что?!

Зачем я спрашиваю? Ведь все ясно...

Тия жестоко смотрит мне в лицо. В ее глазах торжество и радость.
Раньше, когда они были слишком юны, когда им было по пятнадцати, они встречались.
Это были невинные детские встречи.
Но в них уже зарождалось взрослое чувство.
Но союз их был невозможен.
Йен не особо богат.
А Тия — очень завидная и богатая невеста в нашем городке.
Она не особо красивая.
Милая, конечно, потому что еще молода. Но много женихов за ней не бегало.
Отец ее берег для выгодной партии. Не для Йена, конечно.
Но пришла эта осень.
А вместе с ней и дурные вести с востока.
До нашего города долетела молва, слухи, что Темные Господа, о которых пару столетий никто ничего не слышал, вдруг решили вернуться жить в наши края.
А значит, им нужны были слуги. Служанки, если быть точнее.
И таковых они набирают среди людей, просто указав пальцем на понравившуюся девушку.
Что с девушками будет дальше? Никто не знал.
Раньше, пару веков назад, служанок свозили в Темные скалы. И, говорят, живьем сбрасывали в холодные глубокие шахты. Не очень-то похоже на службу, скорее — на жертву.
Но Темные Господа не привыкли объяснять своих действий.
И отец Тии опоздал. Слишком долго выбирал дочери партию получше.
Муж должен был спасти Тию от внимания Темных Господ.
Но все те мужчины, с которыми он хотел бы породниться, женились буквально в один месяц. И Тия оказалась никому из них не нужна. Хоть и богата.
Так что Тия рисковала оказаться в одном ряду с другими и проделать путь на дно шахты, как любая другая, приглянувшаяся Темным Господам.
И откупиться от них не вышло б.
В кармане Йена вдруг брякнул тяжелый кошель, набитый монетами.
И мне все становится понятно.
Йену щедро заплатили, чтоб он это сделал.
Заплатили, чтоб он обесчестил Тию.
И женился на ней.
...Ведь Темные Господа интересуются только нетронутыми, непорочными девушками...
Порченная им ни к чему.
И Тия, сохрани она себя нетронутой, наверняка попала бы на отбор к ним вместе с прочими девицами.
Йен спас Тию. Не меня — хотя мог бы взять и жениться. И мне б тогда ничего не грозило.
Но он предпочел ее.
Потому что меня не любил никогда!
Ну, и тепленькое местечко себе обеспечил. Жениться на ней теперь ему просто придется, иначе его поколотят палками слуги ее отца.
А значит, и жить в богатом доме ему тоже... придется. И богатое приданое Тии он тоже получит.
Отец Тии не тот человек, с которым можно шутки шутить и не считаться.
Если бедный женишок заупрямился бы, его б погнали к алтарю силком. Или просто приволокли б на веревке, как упрямого барашка.
Мой отец такого себе позволить не может.
Не посмеет.

Не сможет.

И оспаривать решение Йена тоже не станет.

— Ты понимаешь, что станет со мной? — шепчу я.

Йен раздраженно отворачивается от меня.

— Но я тебя не касался, — ответил он. — Ты невинна. Что с тобой может быть?!

— А может, — зловредно хохотнула Тия, — уже нет? Может, ее кто-то уже огулял. Вот она и устраивает сцены, рыдает. Хочет, чтоб ты ее грех прикрыл.

От соперницы, признавшей в грехе, мне, невинной, это слышать невыносимо вдвойне.

Мне невыносимо хочется ударить ее по счастливому лицу, по улыбающимся губам, сказавшим эту гадость.

Но вместо этого я распахиваю дверь и ухватываю Йена за рукав.

— Пошли оба вон! — кричу я с внезапно появившимися силами. — Вон, потаскуха! Не марай наш дом своим присутствием!

Вся сила, вся жизнь, что еще оставались в моем теле, были вложены в этот крик.

Лицо Тии переменилось.

— Да как ты смеешь, — шипит она.

Йон обнимает ее за плечи. Драки между нами ему точно не надо. Как и слухов о том, что будущая женушка его потеряла невинность до свадьбы.

— Это всего лишь нищая девка, — уговаривает он ее. — Пусть себе орет. Кому интересны ее крики?

— Вон, грязные мерзавцы! — в ярости кричу я.

Тия тихонько смеется.

Мой гнев ее не пугает. У нее есть Йен, готовый защищать ее.

А за мной нет никого...

— Удачи тебе, — издеваясь, говорит она. — Темные Слуги скоро придут сюда. И тогда... лучше б я оказалась права, поверь мне!

Визуалы

А вот и наши первые персонажи, главная героиня и ее охотник Йен!

Ну, и злодейка-разлучница!

Добро пожаловать в зимнюю сказку!

Глава 2

Беда не приходит одна.
Только открой ей двери, и неприятности последуют одна за другой.
Слетятся, как демоны, на запах дурной смерти.
Не помню, сколько я сидела, оглушенная свалившимся на меня горем.
Ничего не слыша, не видя, не чувствуя.
Я словно умерла, утратила душу. Только мое тело дышало, сердце билось.
Но разум и чувства меня покинули.
Куда я теперь?..
Как мне жить? Что делать?
Да и для чего мне она, жизнь-то, теперь?..
...Очнулась я лишь когда в доме стало слишком громко.
То многоголосое вопило и стеноло горе.
— Что... — хрипнула я пересохшими губами, поднимаясь. — Что происходит?..
Младшая сестренка где-то надрывно кричала:
— Матушка, не губи!
А мечущиеся по дому сестры и братья, словно испуганные тени, шептали и бормотали в ужасе:
— Темная Жатва, минуй меня!..
— Да что случилось-то?! — вскричала я, бросаясь туда, где было так страшно и шумно.
Мать и отца я застала у общей девичьей комнаты.
Сестер как ветром сдуло, все попрятались.
Наверное, даже из дому сбежали, чтоб не слышать и не видеть этой страшной смертельной возни.
Братья были тут, стояли рядом.
Но словно неживые, окаменевшие. Испуганные и растерянные. Не смеющие вмешаться.
А родители силой тащили из комнаты вон Юну, мою младшую сестру.
— Пошла! — рычал отец, дергая ее под руки.
Но она вцепилась в косяки с такой силой, что пальцы побелели.
А взрослый мужчина не мог ее с места сдвинуть.
И кричала, заливаясь слезами, кричала так, что кровь застывала в жилах от ужаса и жалости:
— Не выдавайте! Матушка! Отец! Пощадите!
— Да что тут происходит? — снова выкрикнула я.
Мать без сил выпустила сестру из рук, тяжело дыша.
Ее серое, помертвевшее лицо было растерянным.
— Темные Слуги, — выдохнула она. — Они велели нам выдать одну девицу от нашей семьи им в услужение. Юнку отдадим. Она с ними уйдет. Ты по весне замуж выйдешь. Все в доме просторнее будет...
От простоты и беспощадности этих слов у меня волосы встали дыбом.
В них не было ни жалости, ни страха, ни колебаний.
Только голый деловой расчет.
— Темные Слуги? — изумленно повторила я. — Это что, какая-то шутка?..
Я не могла поверить, что древняя легенда оживет. Что она все же станет реальностью.
Слишком много всего произошло в нашем маленьком поселении из-за этих пугающих слухов!
— Какие шутки, — огрызается мать. — Они уже в нашем городе!

— Вы их видели?! — я все еще не верю.

— И даже говорили с ними, — отвечает отец. — Точнее, слушали, что они нам велят. Болтливых-то они не очень жалуют. Да и нам велели молчать!

— Так всем будет лучше, — уверено произнесла мать. — Ну, вставай, Юнка! Хватит выть, все уже решено.

Юна рыдала, дрожа всем телом.

— Матушка, пощади! — кричала, умоляла она сквозь слезы, прижимая руки к груди, словно защищаясь от метящей в ее сердце смерти.

Разум мой помутился.

— Лучше?! — вскричала я. — Всем?! А ей будет лучше?! Это же верная смерть!

Зимой? В стужу? В темную шахту в старой скале? Смерть, точно...

— Цыц! Чего несешь? — окрысился на меня отец. — Это служение Темным Господам! Не смерть! Но это неточно. Ну, хватит орать, корова! Поднимайся! Городской голова ждать не станет! Пошлет солдат — они-то тебя приласкают по-свойски! Погонят копьями! Мы ему уже обещали тебя, так что обратной дороги нет!

— Лучше пусть копьем заколют, чем умирать, разбившись, в ледяной шахте! — верещала Юна. — Лучше сами убейте! А я не пойду!

Невыносимо было смотреть, как страдает это чистое, маленькое и беззащитное существо. Она ведь совсем молоденькая. Чистая, наивная и невинная.

Зато решение ко мне пришло само собой. Оно принесло умиротворение и покой.

И я даже ощутила тихую радость от того, как просто все разрешилось.

Вот, значит, каково мое предназначение. И какова миссия в этой жизни.

— Не троньте ее, — сказала я тихо, но звучно. — Вместо нее я пойду. Сама. Не надо стражи.

— А? — не поняла мать. — Ума лишилась? Куда ты пойдешь?! К Темным? А свадьба твоя как же? Что мы Йену и его семье скажем?! Они-то полным ходом готовят свадьбу. Это ж такие траты! Думаешь, так просто они скажут: «Ну, так и быть!»? Да нам вовек не рассчитаться!

— Свадьбы не будет, — спокойно ответила я.

— Это не тебе решать! Ишь, придумала что!

Юна смотрела на меня огромными глазами, с надеждой и мольбой во взгляде.

Она абсолютно не понимала, почему я решила вместо нее шагнуть в пугающую неизвестность. Но была мне благодарна за это.

И отчаянно хотела жить.

— Не мне, — согласилась я. — Но все уже решено. Йен отрекся от меня. Бросил. Оставил. У него теперь другая невеста, Тия.

— Потаскуха! — взревел отец, отпуская Юну и набрасываясь на меня. — Ты что, осмелилась с ним спать?! Ты дала ему, бесстыжая?!

Удары посыпались на меня один за одним.

Я только успела голову руками прикрыть и сжалась в комок, чтоб отец не разбил мне лицо.

— Я не сделала ничего дурного! — пронзительно выкрикнула я.

— Это позор для всей семьи! Позор! Порченная! — свирепствовал отец.

— Нет! Я чиста! Он выбрал Тию! Он взял ее! Он уже ее муж!

Отец замахнулся кулаком. Он меня не слушал; не слышал.

Наотмашь хотел ударить.

Но мать повисла на его руке. Не дала опуститься его кулаку на мою голову.

— Не калечь! — прохрипела она, сдерживая отца изо всех сил.

— Позор!.. Пальцами будут тыкать!.. Хочешь прослыть матерью потаскухи?!

— Вот и отдадим ее Темным Слугам! — уговаривала мать отца. — Когда люди узнают, что свадьбе не быть, что Йен отрекся от нее, разговоров и шепотков не избежать! Издеваться станут! А если она и вправду не врет? Если невинна? Тогда Темные Слуги ее заберут! И тем докажут, что она чиста. И о свадьбе никто не спросит. Скажем — Темные слуги забрали. Какая ж свадьба, если Темные Господа ее себе захотели? Ну? И никто на нас не посмеет пальцем указать! И имя наше честное будет обелено и избавлено от позора! Не калечь ее, не портить ей лицо! Побьешь потом, если она соврала. Уж тогда я защищать ее не стану. Еще вожжами привяжу!

Отец, дрожа от гнева, медленно опустил занесенную руку.

Лицо его было красно и страшно.

— Но мы обещали Темным другую, — хрипло произнес он.

— Да им-то какая разница! — горячо зашептала мать. — Им-то какая разница? Для них мы все на одно лицо! И имен наших они не спрашивали! Так что отдадим ее. И всем будет лучше!

Второй раз за сегодня я услышала это жуткое «всем будет лучше».

И меня до самых костей пробрало могильным холодом.

Она правда считаете, что это будет лучше для меня?..

Глава 3

Девушек, собранных для Темных, согнали в дом главы города.

Не знаю, как родители объяснили городскому голове замену одной дочери другой. Только они что-то ему говорили.

Мать шипела, словно змея, отец зло смотрел на городского голову.

А тот все поглядывал на меня.

Его маленькие глазки так и сверлили меня!

Но их разговоры меня мало волновали.

Я понимала: если Темные Слуги решат меня забрать, то ничто этого решения уже не изменит.

Потому очень ждала испытания. А оно было, разумеется.

По очереди все девушки раздевались до одной только нижней сорочки, легкой, белой.

Темные Слуги забирали девушек по одной и уводили за закрытые двери, в темный большой зал.

Что там происходило, было неизвестно. Только городскому голове было велено молчать об испытании.

Сердце мое было беспокойно. А вдруг я окажусь недостаточно чиста для них?!

Снимая юбку, дрожа от страха и холода — комнату натопили почему-то очень плохо, — я думала о том поцелуе, что подарил мне Йен. Вдруг для Темных это тоже грех? Вдруг я окажусь слишком порочна для них?

Всех девушек увели.

Родителей моих давно вытолкали вон.

И я в одиночестве ожидала своей участи.

Тут-то и настиг меня городской голова...

Все-таки, это был его дом. И если прочих людей вывели, то он-то знал лазейки, чтоб просочиться в комнату, где держали девушек, предназначенных для Темных.

— А вот и ты, невинное дитя, — произнес он, появляясь из-за темной панели.

Она была словно дверца в тайный лаз.

А он — как похотливый кролик.

— Что вам нужно? — испуганно шепчу я, прижимая к груди одежду.

Его масляный взгляд обшаривает меня с головы до ног.

Омерзительное чувство!

— Я предлагаю тебе спасение! — шепчет он. А голос мерзкий, липкий, трясущийся.

— Какое еще спасение? — лепечу я.

Градоначальник придвигается как можно ближе.

Помимо холода в его нетопленном доме я ощущаю смрад его дыхания и жар, исходящий от его разжиревшего тела.

— Глупенькая! — шепчет он поддельным жалостливым голосом. — Ты что, не понимаешь, зачем тебя сюда привели, и для кого?

— Понимаю, — резко отвечаю я.

— И согласна стать игрушкой, вещью для этих чудовищ? — вскрикивает он. — Да непонятно, зачем им юные невинные девы! Уж не затем, чтоб браком сочетаться!

— Выбора у меня нет, — глухо отвечаю я.

— Выбор всегда есть! — горячо возражает он. — Почему ты должна жертвовать собой ради спокойствия города?! Пусть об этом другие думают. Ты же достойна большего. Ты должна жить!

Мне тут же стали ясны мотивы его заботливости.

Родители назвали ему причины, почему я тут.
Подозрение, что я не чиста, развязывало ему руки.
Он жаждал моего тела.
Он видел свой шанс.
И отступить не собирался.
Тут я почувствовала себя всецело в его власти.
С него никто не спросит, если он тут же обесчестит меня.
Темные меня не примут.
Родители поверят в то, что я отдалась Йену.
И в мои слова о насилии со стороны градоначальника никто не поверит.

— Одно твое слово «да», и ты спасена, — шептал он, наступая. — А если откажешь... Темные Господа вообще не люди. Они старые, скользкие и страшные извращенцы. Старые, понимаешь? Меньше сотни лет никому нет! Ты им достанешься. И уж они-то с тобой церемониться не станут! Даже представить страшно, что они сделают с тобой! Ну?!

Я не могу и слова сказать от страха. Вот попала, так попала!

Только трясую головой. — Что?! — одергивает меня грубый голос. — Что ты мычишь, я не понимаю!

— Н...нет, — через силу выдыхаю я.

Мне страшно до черноты перед глазами, но я упрямлюсь.

Давлю даже робкие ростки отчаянных мыслей о том, что этот мерзкий человек может быть мне спасением.

Мне нет спасенья.

— Что — нет?! — раздраженно спрашивает он.

— Я не буду твоей никогда, — выдыхаю я упрямо. И, смягчившись, добавляю: — Да и ничьей вовсе.

Мужчина чуть не воет от злости, разочарования и... нетерпеливого вожделения.

— Дура! — шипит он.

Его тяжелые влажные ладони нетерпеливо шарят по моему телу. Сминают тонкую нижнюю рубашку.

Грязно, просто и липко скользят по моим замерзшим бедрам, задрав одежду.

Оставляют чуть заметные влажные следы на белом чистом полотне и на теле.

Это неприятно.

Кожа моя и так холодна. А его влажные ладони делают этот холод просто невыносимым.

— Да ты пойми, — снова шепчет он жарко, подавляя мое сопротивление. — Ты пойми, дура, что одно твое слово, и ты спасена! Ты не пойдешь к ним, в шахту. Ты останешься жива! Ты здесь, в поселке, останешься! Только покорись... скажи мне «да». Стань моей! Здесь, сейчас! Это быстро... и не так больно, как разбиться в шахте и ждать смерть, замерзая!

Но то, что он со мной хочет сделать, прикончит меня так же верно, как выстуженная зимними ветрами шахта.

За связь с мужчиной вне брака меня же камнями закидают. Отец насмерть забьет.

А этот похотливый хитрец, получив свое, разумеется, не женится на мне.

Даже если и защитит от Темных Слуг. Если найдет способ не выдавать разъяренным людям меня.

В лучшем случае он просто спрячет меня, и буду я жить как жук в коробочке.

Пока не задохнусь. Недолго.

Или же тотчас отречется от меня, взяв свое.

Скорее всего, так.

Он ведь нащупал слабое звено — оговор родителей. Он знает, что они за меня не вступятся. Поэтому его власть надо мной безгранична.

Я — беззащитна.

— Я хочу тебя, — шепчет он, жаркий, жирный, воняющий потом и больным, немывтым телом, прижимаясь ко мне все смелее и крепче. — Ты такая прекрасная, чистая, светлая! Да я им всем шеи посворачиваю за тебя! Я!..

Он преисполнен своей восторженной бравадой.

Только это вранье.

Теперь я это четко знаю!

Я чувствую это по его скорым касаниям.

Он словно обжигается о мое тело.

Действует быстро, грубо, словно боится быть пойманным.

Каждый миг готов отскочить от меня, чтоб Темные Слуги не застали его за тем, что он портит то, что предназначено для Темных Господ.

Их-то добыча должна быть чиста и непорочна.

Ни о какой защите с его стороны речи и не идет.

Стоит ему получить желаемое, он точно бросит меня, как использованную изломанную игрушку, на растерзание толпе!

— Я не буду твоей никогда! — в отчаянии выкрикиваю я, отталкивая его прочь.

Он отшатывается.

В его холодных, заплывших жиром глазах похоть и лютая досада.

— Так хочется издохнуть? — зло спрашивает, наконец, он.

Я лишь качаю головой.

— Меня берут в услужение Темным Господам, — глухо отвечаю я. — Не на смерть.

А вот это уже моя ложь. Ложь, в которую я хотела бы верить!

Ведь от Темных Господ еще никто не возвращался.

Ни живым, ни мертвым.

И тел девушек, отданных им в услужение, не находили.

Так гласят старинные легенды.

Голос мой дрожит.

Издохнуть мне не хочется. Страшно.

Это в начале я была преисполнена решимости и твердости.

А теперь с удовольствием увернулась бы от выбранной собой же судьбы.

Но у меня ведь есть одна веская причина этого не делать. Я должна!..

И, упрямо сцепив зубы, я буду идти выбранной дорогой.

Бледный толстяк захлебнулся злобой.

Он еще молод. Одет хорошо, в дорогие ткани, в костюм, который сидит на нем идеально. Зимой он носит плащ, подбитый черным блестящим мехом.

Но какая-то болезнь точит его тело, отчего он сделался рыхлым, жирным, потным.

Хоть он и потомственный глава города, а успехом у девушек точно не пользуется.

Со мной у него никогда ничего не вышло бы.

Во-первых, он слишком высокого мнения о себе и своем положении. Ухаживать за небогатой девушкой он точно не стал бы.

Во-вторых, такая, как я, даже не посмотрела бы на этого заплывшего бледным желтоватым салом больного мужчину.

Да и никакая другая женщина на него не соблазнилась бы, несмотря на его богатство, будь то старая дева или вдова.

Он думает, что все это из-за его невероятной толщины.

Отчасти это так.

Но больше его болезненного тела отталкивает его прогнившая насквозь вонючая душонка.

— Ты будешь в их руках безмолвной вещью, — рычит он. — Не человеком! Игрушкой! Даже если они позволят тебе прожить чуть больше — ты будешь бесправной вещью! Они станут обращаться с тобой хуже, чем с тупыми животными! Да ты и будешь для них тупым животным!

Угрозы и запугивания — это все его инструменты в общении с женщинами.

Никто от него доброго слова не слышал.

Только гнусный шантаж и грязную брань.

Если ему нравилась какая-то девушка, то он угрозами принуждал ее обратить на себя внимание.

Я молчу.

Мне и так страшно.

А его слова делают каждый миг моего существования невыносимым настолько, что я хочу кричать.

Но вместо этого закусываю губы и опускаю лицо, чтоб не упасть в обморок.

— Не хочешь спастись, — рычит он, наступая, — так я сам тебя спасу! Темные Господа не примут порченную!

— Что, — ахаю я, но сделать ничего не успеваю. — Вы не смеее!..

Но он решился.

Похоть пересилила его страх перед Темными Слугами.

Жажда заполучить меня стерла последний здравый смысл в его голове.

Он уже видел меня бессловесной вещью.

Не человеком.

Бесправным существом, к чьим жалобам не прислушается никто. Да и разговаривать которому не разрешено.

И он хищно накинулся на меня.

Припер к холодной стене.

Навалился толстой тяжелой тушей.

Скрутил руки.

Запечатал мой кричащий рот слюнявыми губами.

Я словно увязла в болоте. Задушенная и задавленная.

Вонючий мерзкий запах его тела почти вышиб из меня сознание.

Паника накрыла с головой. До дрожи, до тошноты.

Словно трясина забирает меня, медленно выпивая жизнь.

— Нет, нет!

Я рвалась из его рук, как могла. Отталкивала.

Но он и впрямь был как болото.

Не выберешься...

Слышала, как трещит моя одежда в его руках, когда он путался в тонком белье, добираясь до моего голого тела.

Кричала от боли, когда он сжимал меня мерзкими липкими пальцами. До синяков.

— Они чувт ведь, — шептал он гадко, грязно, тиская меня. — Унюхают, что ты не чиста, и не возьмут тебя. А мы никому ничего не скажем. И у Темных Слуг никто не посмеет спросить, отчего от тебя отказались. И ты будешь спасена, дура... Жить будешь! Я тебя к себе в услужение возьму, в приличном доме станешь жить! Сладко есть, мягко спать! Ну же, не брыкайся! Поцелуй... поцелуй меня!

И потянулся снова к моему лицу своей отвратительной жирной рожей.

Грубо и больно сжал пухлыми водянистыми пальцами мою грудь.

— Нет! Нет! — в ужасе вопила я, брезгливо отталкивая этого жирного и липкого человека.

Лучше уж лететь вниз, в шахту, чем быть с ним хоть миг...

Глава 4

Темные Слуги одинаково относились ко всем людям.

К бедным девушкам, к сильным мужчинам и к главе поселка — все равно.

Внезапно распахнулись двери в комнату. И толстяк не успел отпрыгнуть от меня.

Его так и застали — когда он задирает мне рубашку и тискал мои бедра.

— Она сопротивлялась! Не желала идти в услужение к Темным Господам! — испуганно выпалил он, желая как-то оправдать свои действия. — Удрать хотела! Я ее пытался задержать!

Не знаю, насколько они ему поверили.

Но оплеуху один из Темных Слуг выписал ему такую, что толстяк покатился по дощатому полу.

Лицо его было разбито в кровь. Он хныкал и ворочался на полу, как полураздавленная гусеница.

Темный просто переступил через него и подошел ко мне.

И в лицо мне пахнуло ужасом и темной смертью.

Они пришли за мной.

Не знаю, на кого похожи Темные Господа.

Слуги же точно походили на людей.

Высокие, стройные. Две руки, две ноги, голова. Сложенные, наверное, атлетично.

Одеты все в черное. Одежда, красивая и вычурная, обтягивала их тела как вторая кожа.

Бронированные шипастые куртки на груди были перетянуты многочисленными ремнями. Ремни эти словно удерживали рвущееся из сердец Темных Слуг зло.

Даже руки этих странных существ были скрыты черными кожаными перчатками.

На головах — странные черные шлемы, словно составленные из перекрещенных пальцев чудовищ с острыми когтями.

Эти когти закрывали лица, впивались в щеки Темных Слуг, оставляя открытыми лишь глаза, нос и губы.

Наверняка это доставляло какое-то неудобство, подумалось мне.

Но Слуги словно не замечали колющих их кожу шипов. Будто вовсе не ощущали боли.

Да и холода наверняка тоже, вдруг подумалось мне. На улице-то мороз, а они одеты не в меха и не в шубы — в тонкую кожу...

Тот, что подошел ко мне, принюхался с какой-то звериной жуткой жадностью.

Словно хотел меня сожрать и выбирал местечко посочнее.

Его рука в черной перчатке легла на мое плечо.

Сильные пальцы крепко впились в мою плоть.

Он отстранил меня от стены, в которую я, казалось, вросла.

Встряхнул грубо и жестко.

Положил руку на мою голову и негромко бросил:

— Молчи.

Только сейчас я поняла, что рыдаю, и дыхание мое громкое и частое, будто я долго бежала, а теперь не могу надышаться.

С трудом я подавила свой плач и глянула в его лицо.

Встретилась взглядом с его холодным спокойным взглядом.

— Опusti глаза!

Его слова были резким приказом.

— Не смей смотреть в лицо Темным без разрешения, — продолжил он. — Никому. Никогда. Поняла?

— Да, Ваше Темнейшество, — пролепетала я, трясась.

— Неверно. К Темным Слугам обращайся — Темный. К Темным Господам — Темнейший. Поняла?

— Да, Темный, — пролепетала я. — Но как я узнаю...

— Узнаешь. Не понять невозможно.

Слуга кивнул головой и продолжил меня осматривать.

Его рука бесцеремонно меня обшарила.

Мои голые ноги под задранной рубашкой. Словно его пальцы искали капли крови от утраченного девства.

Расстёгнутый ворот моего платья, отыскивая на коже под ним следы бессовестных поцелуев.

Дрожащую шею.

Он будто проверял, не испортил ли жирный дурак товара.

И, кажется, результаты осмотра его удовлетворили.

Он грубовато оправил на мне одежду, крутанул, осматривая со всех сторон. Одернул помятый подол, пряча мои ноги, и резким кивком головы велел мне следовать за ним.

Я на деревянных негнущихся ногах шагнула вперед, ослепленная бьющим в глаза дневным светом.

— Ваша милость, — стонал на полу толстяк. — Я же старался для вас...

Темный Слуга, уже отошедший на порядочное расстояние от него, обернулся и вдруг снова шагнул к поверженному толстяку.

Без слов, без выражения ярости или еще каких-либо эмоций, он что есть сил пнул толстяка в жирный бок, да так, что тот закатился от боли в скрежещущем крике.

И заизвивался — ну, точно, как разрубленный надвое червяк.

Но это был не жест, которым Темный Слуга защищал меня и мою честь.

Нет.

Так он наказывал того, кто посягнул на собственность Темных Господ. Не более.

Для Темных Слуг мы все были равны.

Посмей я повести себя дерзко или просто неправильно, посмей я глаза поднять и дерзко глянуть — такого же удара не миновать и мне.

В соседнем зале, отведенном для испытаний, были две пугающие вещи.

Во-первых, большая купель с прозрачной странно голубой водой, похожей на огромный топаз, занимающий собой всю бадью.

Холодной даже на один только взгляд.

Неподвижной, прозрачной и голубой, ослепительно сверкающей под светом свечей.

Во-вторых, мои родители.

Они стояли у стены, тараща на меня глаза.

Вскоре к ним присоединился и побитый толстяк, охая, ахая и хромая.

Мне показалось, что отец с матерью смотрят на него как-то чересчур зло.

И мать шипит, как змея.

Означало ли это, что градоначальник поделился с Темными тем, что родители привели не ту дочь, что обещали?

Или, может, он Темным нашептал о том, что я могу оказаться не чиста?

Оттого и испытание мне полагалось какое-то иное?

Я не знала.

Просто видела, как они собачатся в темном углу.

А тысяча тревожных мыслей металась в моей голове, заставляя меня замирать от ужаса.

И тогда мне стало нестерпимо, до дрожи и скрежета зубов, страшно.

Если сейчас Темные объявят, что я в чем-то виновна, и выбросят меня прочь, то мать с отцом тут же просто разорвут меня на части!..

И Юна пойдет к Темным...

— Уберите их! — выкрикнула я в панике, упираясь босыми ногами в пол и сопротивляясь, не позволяя себя вести.

Темным Слугам не было меня жаль. И мои душевные терзания их не интересовали.

Не желая сражаться со мной и бороться мое упрямство, они бесцеремонно подхватив меня под руки.

Протащили меня до купели и вздернули над ней.

Я только успела ноги поджать, чтоб не ушибиться об край.

В следующий момент они с силой опустили меня в странную ярко-голубую воду, выбив столб брызг.

Она вскипела вокруг моего тела обжигающими холодными пузырями.

Я даже вскрикнула и попыталась вырваться из удерживающих меня рук, выскочить из ледяной воды.

Но Темные Слуги крепко держали меня.

Дышать в этом холоде мне удавалось короткими рваными вздохами.

Удерживая силой, Темные Слуги опустили меня глубже, и сверкающая холодная вода сомкнулась над моей головой.

Мне показалось, что меня обложили колкими ледяными пластинами, которые болью обжигали мою кожу. Впились острыми когтями в мой череп.

От этой ломящей невыносимой боли я зажмурила глаза.

Прикусила губу, чтоб не закричать и не задохнуться в воде.

Меня трясло так, что каждая мышца казалась напряженной до боли струной.

«Да я сейчас умру! — в панике подумала я. — Они же просто утопят меня!»

Но вместо смерти я вдруг ощутила, как мое сердце забилось сильнее.

Холод вдруг вокруг моего тела вдруг обратился в жар.

Я с изумлением распахнула глаза и увидела, что от меня исходил теплый мягкий желтый свет, пронизывающий волнующуюся над моей головой жидкость.

Пузыри вскипали в золотом свечении.

И голубая вода таяла, словно испаряясь.

А склонившиеся надо мной лица Темных Слуг, освещенные этим светом, становились более живыми...

«Чудо какое», — только и успела подумать я, изумленная. И замерла, прекратив вырываться.

Сильные руки Темных выдернули меня из купели, и я с шумом вдохнула воздух.

Вода лилась с меня потоками, и свет гас.

Темные Слуги по обыкновению своему молчали.

Но я поняла, что испытание прошла.

Потому что Темные тотчас накинули мне на плечи теплое мягкое покрывало, растерли, высушивая мое тело и мокрые волосы.

Глава города недовольно поморщился. Он остался ни с чем — а смотрел на меня с таким вождением!

А мать истошно закричала:

— Чиста, она чиста! Видите, вы?! Она чиста!

Похоже, для нее это было самым главным — то, что теперь никто не посмеет показать на них пальцем.

А о том, что меня уведут навсегда и непонятно что сделают, ее не волновало.

От этого сердце сжималось, словно в стальных тисках.

Мать была всегда строга.

Но я даже не могла помыслить, что значу для нее так мало.

Практически ничего.

Темные и ей не ответили. Но вопли ее им не понравились.

Они бесцеремонно вытолкали мать с отцом прочь. А меня один из них подхватил на руки и вынес в другую комнату, словно драгоценную ношу.

Глава 5

В другой комнате девушки сушили свои волосы у теплого камина, вытирали мокрые тела мягкой тканью.

Нам всем предстояло переодеться в легкие платья из светло-серого льна, в фартуки из белого чистого полотна, и в такие же светлые чепчики.

На ноги полагались довольно теплые башмаки.

Но платья были легче летних.

На улице зимой в этом?..

Да и часа не продержусь. Замерзну на ветру.

— Оно и к лучшему, — глухо произнесла одна из девушек. — Долго мучиться не придется. К утру мы все будем мертвы. А сели нас, замерзших, кинут в эту шахту, то будет не так больно.

Она была старше всех.

Ей, наверное, было почти тридцать.

Она была сильной и рослой. В ее крепком теле была какая-то могучая, почти звериная, выносливая и статная красота.

Только вот лицо ее было серым и печальным.

И волосы серые и тусклые.

Даже после купели Темных.

Тридцать — и не замужем. До сих пор чиста.

Она невесело усмехнулась, натягивая тонкие шерстяные чулки.

Наверное, ее рассмешило то, что ни для кого из людей она не сгодилась — а вот Темные Господа нашли ее для себя подходящей.

От ее слов прочие девицы впали в уныние.

Они уже не так быстро натягивали на себя одежды.

Кто-то горько и отчаянно заплакал. Умирать так страшно мало кому хотелось.

И тогда я изо всех сил помотала головой.

— Нет, нет! — вымолвила я. — Мы не умрем! Темный Слуга говорил со мной. И велел обращаться к нему — Темный. А к Господам — Темнейшие. Если б мы должны были умереть, разве стал бы он меня учить, как себя вести с ними? Как приветствовать?

Девушки устали на меня с отчаянной надеждой.

Старая девушка невесело усмехнулась, аккуратно повязывая белый фартучек.

— Кто ж их знает, этих Темных, — проворчала она. — Что у них там на уме. Но я б предпочла к утру замолкнуть навсегда.

— Ты здесь не одна, — резко заметила я. — Может, кто-то хочет счастливо пережить и эту ночь тоже!

Она усмехнулась, опустила юбку, прикрывая сильные стройные ноги.

— Хотите, — ответила она. — Кто ж мешает-то?

Нас, одевшихся, едва высохших после купания, выгнали из дома.

На улице было холодно и выюжно.

Ветер был ледяным, и я в тонком льняном наряде тотчас продрогла до костей. Зуб на зуб не попадал.

Лоб оледенел.

Но нельзя было и рукой двинуть, чтоб растереть замерзшее лицо.

Нельзя было и глаз поднять, чтоб посмотреть, что ждет меня впереди.

Темные Слуги пребольно били стрелами нам по рукам, по пальцам, стоило потянуться ладонью к озябшему лицу.

И я покорно брела вперед, ощущая на себе любопытные взгляды жителей поселка, собравшихся проводить тех, кого потребовали себе в услужение Темные Господа.

Эти взгляды казались мне ожогами. Потому что каждый из этих взглядов мог оказаться ЕГО взглядом...

Но не думать о нем. Не думать.

Это и хорошо, что Темные Слуги не велели поднимать глаз. Так я наверняка не увижу его. Не увижу. И вольна буду думать, что и Он пришел меня проводить, даже если это и не так.

И смотрит на меня с раскаянием, болью и жалостью!

Я шагала к повозке, в которую, словно овечек, сгоняли девушек Темные Слуги.

Девушки дрожали от холода и страха и сдавленно рыдали.

Темные же Слуги словно не замечали зимней лютой стужи.

На них, на их одеждах, не было ни клочка меха. Ни кусочка теплой ткани. Неужто мороз им не страшен? Они его не чувствуют?

«Да живые ли они», — вдруг полыхнул страшный вопрос в моей голове.

Позади нас, пытая и стеноя, тащился глава нашего городка.

Он должен был принять от Темных Слуг грамоту, что город выполнил свой долг перед Темными Господами, и ничего не должен, если все пройдет хорошо.

У повозки мне велели остановиться.

Меня снова осмотрели, крутя и вертя, как мяч.

Ощупали плечи. Коснулись головы. Велели показать зубы.

И лишь после этого на мои трясущиеся плечи один из Темных Слуг накинул длинный серебристо-серый тяжелый плащ, подбитый серебристым песцом.

На голову мою натянул капюшон и, схватив за затылок снова принудил опустить лицо.

— Не смотри на Темных! — услышала я грозный оклик.

Темный втолкнул меня в повозку.

И в этот момент ближе подвели еще одну рыдающую девушку. Немного припоздавшую. Последнюю.

Голос показался мне знаком до боли.

Я не смогла не посмотреть.

И в глазах моих потемнело!

Глава 6

— Но я заплатила... собой заплатила! — вырвалось у меня.

Я отчаянно закричала на всю площадь, увидев у повозки мою сестру, Юну, одетую так же, как и я.

В те же серебристо-серые чистые одежды, в такой же белый скромный крохотный чепец. Ту, что я спасала!.. Как она очутилась здесь?!

Темные Господа оказались жаднее, чем я думала?!

— Я же отдала себя! — не унималась я, хоть и понимала, чем мне грозит этот крик. — Зачем вы берете ее?!

Это ведь была главная причина того, почему я сейчас здесь!

В наш дом беда вошла вместе с грамотой, в которой было сказано, что отец и мать должны были отдать свое дитя в услужение Темным.

Это значило — навсегда. И что с ней станет, никто не мог сказать.

Они Юну выбрали потому, что она была совсем молода и чиста.

Почти ребенок.

Она от ужаса рыдала так, что едва не задохнулась и не лишилась чувств у самой повозки.

Люди загомонили, зароптали на площади. И один из Темных Слуг ударил меня по лицу стрелой, зло рассекая мне кожу на щеке.

Крик мой захлебнулся и замолк.

А вместе с ним и ропот среди людей.

Мать же с отцом упрямо молчали. Притащили вторую дочь на казнь — и молча сверкали злобными глазками исподлобья, глядя, как темные и ее забирают!

Им было ее не жаль...

Хотя любому существу с живым сердцем смотреть на то, как страдает и рыдает от ужаса это невинное, чистое существо, их юная дочка, было невозможно!

— ...Не плачь, крошка, — произнесла я легко, когда освобождала ее от страшной обязанности, которую принесли для нее в то утро родители. Хотя, казалось, сердце мое остановилось и умерло. — Не надо. Вместо тебя я пойду. А что? На лицо мы все для них одинаковы. Никто и не заметит подмены. Да и какая им разница?

Юна тогда насилу успокоилась.

А я, в каком-то странном приподнятом настроении, пошла собираться.

«Шахта упокоит меня, — твердила я себе. — Скоро для меня все кончится. И мой позор, и боль, и несостоявшаяся любовь, что рвет мне сердце. И затихнут, умрут воспоминания о жестоком возлюбленном, который бросил меня в шаг от свадьбы».

Так я думала.

Хотела обменять свою никчемную, кончившуюся жизнь на ее!

И вот оказывается, что моя жертва была напрасна!

Глупая, я решила, что спасла ее!

Но захлебывающаяся от ужаса Юна, трясаясь от холода, стояла рядом со мной!

— Молчать там, в повозке! — одернул меня грозный окрик Темного. — Не то обеих вздернем на воротах дома!

— Самонадеянная сучка. Ты что, возомнила, что можешь распоряжаться и указывать Темным Господам, кого им взять? — услышала я знакомый гундосый задыхающийся голос.

Толстяк стоял рядом с повозкой.

Он немного оправился от ударов, которыми нагадил его Темный Слуга. Стоять прямо мог.

Но именно меня он винил в том, что заработал их.

— Думаешь, они по единому твоему слову откажутся от своего желаемого? — издеваясь, злорадно шепчет он.

— Юна, детка! — тихо рыдаю я, протягивая руки к сестренке. — Как же так!..

Она рыдает так, что, кажется, все ее тонкое тельце ходит ходуном.

Сжатые у груди посиневшие ручки беззащитно трясутся.

Даже теплый плащ, которым Темные ее милосердно покрывают, оказывается слишком тяжел для нее. Она едва не падает бессильно под ноги Слугам.

Темные Слуги подхватывают ее под руки и швыряют в повозку, ко мне в объятья.

— Бедняжка!

Я пытаюсь ее поднять, но вместо этого сама падаю.

Потому что хлесткая пощечина обжигает мою щеку.

— Получи, высокомерная дрянь! Опусто глаза и не смей скулить!

Я ощутила на губах вкус крови.

— Знай свое место, гадина! — злобно и радостно тянет глава города, встряхивая брезгливо пухлую руку, которой ударил меня. — Отныне ты ничто, и никто! Вещь, не человек! Помалкивай и учись кланяться! И не поднимать на меня глаз, мерзавка! Не хотела слушаться? Получи!

Очередным тычком заставляет склониться, опустить лицо.

Глумится, упивается последними глотками власти надо мной.

Душит свою жгучую досаду, что ему не удалось мною овладеть.

— Тебя кинут в глубокую шахту, — зашипел он мне на ухо, жарко, радостно, подобравшись с помоста к повозке близко. — Вместе с твоей обожаемой сестричкой, которую ты защищаешь! Надеюсь, вы не сразу расшибетесь до смерти, а помучаетесь как можно дольше!

От его гадких злобных слов мороз бежит по коже. От омерзения меня тошнит.

Но ни крикнуть в свою защиту, ни ударить его теперь я не могу.

Если я подниму без разрешения руку, меня просто разорвут на куски безмолвные Слуги Темных.

И не только меня.

Я слышу рыдания сестры за спиной, и мое сердце рвется на части от жалости.

Я правда думала все исправить.

Я хотела защитить Юну. Думала, что раз моя никчемная жизнь кончена, так получится хотя б ее жизнь выторговать.

...Но когда в семье десять детей, и семеро из них — девушки, которых не так-то просто пристроить, выдать замуж, избавиться сразу от двоих — это благо....

Наверное.

...Так будет лучше для всех...

Тем более под таким благовидным предложением.

Семья могла отдать одну девицу в жертву Темным Господам.

Ту, на которую они указали. Но если я вызвалась сама, то отчего не отдать двоих?..

Ищу глазами в толпе провожающих мать и отца.

Хочу посмотреть на них. Увидеть в их глазах хоть какое-то подобие стыда и раскаяния. Жалость и боль. Хоть что-нибудь живое, человеческое!

Но не нахожу.

Они стоят вдвоем, словно окаменев.

Смотрят прямо, не тушуясь. Зло.

Им не жаль. Ни меня, ни бьющейся в истерике маленькой Юны.

Они готовы огрызаться и отбиваться от обвинений плечом к плечу.

Все, что их заботит — это их честное имя. Но не наши маленькие жизни!

— Будьте вы прокляты! — выдыхаю я со всей страстью, на какую способно мое сердце.

Глава 6. 2

Они не слышат этих слов. Слишком уж далеко стоят.

Но, кажется, смысл сказанного до них доходит.

Потому что я с удовольствием вижу, как ужас отражается в их бессовестных равнодушных глазах.

И мать торопливо отступает, в страхе прячет под платком лицо.

Отец стоит, как замороженный. Слово проклятье уже его достигло.

А рядом, неотрывно глядя на меня, стоит тот, кого я любила больше жизни, и тот, кто меня предал.

Мой Йен. Мой славный, храбрый и ловкий охотник.

Моя любовь, моя жизнь.

Тот, кто мне обещался, и тот, кто никогда мне не будет принадлежать. Лжец...

Лучше бы я не видела его!

В груди моей словно солнце взорвалось, открылась старая рана, сделавшись свежей и горячей!

Полыхнуло пламя отчаяния, выжигая все мысли и чувства!

И я снова ощутила острое желание умереть. Сию же секунду.

Раз уж любить мне судьба не позволила!

Упасть в холодную темноту и покончить с любовью, которая жила в моем сердце даже сейчас.

Что же ты сделал со мной, Йен...

Как же ты мог?!

За что?! Ведь ты клялся, что любишь!

Проклясть его у меня не хватило духу.

Я все еще любила его.

Глядела в его лживые глаза, на его красивые сильные руки охотника, в его красивое лицо, и любила. Даже сейчас.

Страшные слова застыли на губах, а мы так и смотрели друг на друга, понимая, что в этот день, на жертвенный алтарь, привело меня его предательство.

Темные Слуги были молчаливы.

Они погрузили в повозку всех выбранных девушек и накрыли нас плотной толстой тканью.

Точно как кур или овец.

Зато мгновенно стало тепло и тихо.

Из-под накидки напоследок разглядеть поселок можно было лишь прикинув к бортам повозки.

Меж деревянных досок глянуть, из которых была сколочена наша тюрьма, одним глазком.

А голова, хозяин города, был слишком услужлив и слишком жесток.

Он очень хотел выслужиться перед Темными.

И меня хотел лишний раз уязвить.

Причинить боль.

О, он с удовольствием уложил бы меня на сковороду, в кипящее масло, чтоб посмотреть, как я буду корчиться, чтоб утолить свою жажду мести.

Но такой возможности у него не было.

Темные Слуги отогнали его.

Их движения были четкие и точные, как будто Слуги не живые, а какие-то механизмы. Как часы.

Без эмоций, без злости — но и без жалости.

Они отстранили, отогнали родных, прощающихся с плачущими испуганными и продрогшими девушками. Отогнали и главу города.

Его, пожалуй, грубее прочих.

Потому что он рвался ко мне поближе, и был слишком дерзок.

Словно хотел дотянуться, изломать меня на прощанье.

Вырвать волосы. Наговорить ядовитых гадостей, что разъедают мне душу.

Он лишился власти надо мной, я навсегда выскользнула из его рук.

И он понимает это.

Это подстегивало его и заставляло совершать неразумные поступки.

Он тянул руки к повозке, стараясь зацепиться за деревянный борт.

Бежал следом, по снегу, когда повозка тронулась, вместе с прочими родственниками девушек.

Но Темные Слуги бесцеремонно его отпихивали, грубо, пару раз огрев древком копья.

И он падал с болезненным стоном на колени, страдая больше, чем прочие.

Больше, чем те, кто терял своих близких.

Но с усилием поднимался и снова несся следом за повозкой.

— Я любил бы тебя! — взвизгивал он мстительно. — Слышишь, ты?! Я бы тебя любил! Ты была бы богата, я бы!..

Но я ниже склоняла голову. Обнимала рыдающую испуганную сестру, ограждая ее от ледяных порывов ветра.

— Упрямая потаскуха! Я приду... утром я приду и буду наслаждаться твоими стонами! Ты пристынешь к полу шахты и будешь молить меня, что я тебя спас! Слышишь?! Ты пожалеешь, что отказала мне!

Это слышали мои родные.

И тот, кто разбил мне сердце.

Мне казалось, что я слышала раздосадованное кряхтение отца и вой матери.

А тот, чей голос я услышать хотела и одновременно с этим боялась, молчал.

И это к лучшему.

Я кое-как справилась с волнением, спрятав под плащ дрожащие руки.

Глаза мои застилали слезы, но не от страха.

Все прочие девушки рыдали потому, что их пугала неизвестность.

Я... я старалась не думать о прощальном взгляде любимого.

Подавляла адское желание подскочить на ноги, увидеть его еще раз.

Пусть лучше моя душа разорвалась бы в клочья, чем я показала б, что разлука с этим предателем мне страшнее Темных Господ!

— Присядь, родная!

Я потянула сестренку за руку, усаживая ее рядом с собой.

Закутала ее озябшие ножки меховым плащом, обняла ее и привалилась всем телом, стараясь согреть ее и согреться сама.

Впрочем, холода я не ощущала.

Сердце мое горело и болело так, что я чувствовала — кожа моя пылает.

Мне было жарко в мехах. Хотелось рвануть на горле завязки, высвободить плечи, подставить пылающие щеки под порывы ветра.

Но я сдерживалась.

И ко мне, горячей этим болезненным жаром, льнула замерзшая маленькая Юна.

— Это все из-за меня, — горько шептала она, обнимая меня за шею. — Ты попала в беду из-за меня!

— Что? — переспросила я рассеянно. Мысли мои витали где-то далеко. Там, в городке. Рядом с застывшим у заснеженной дороги молодым охотником. — Юна, детка, нет! Ты тут точно не виновата. Темные Господа вернулись и потребовали дань с людей, какая ж тут твоя вина?

Нет, милая птичка!

Мои беды начались задолго до того, как Темные Господа напомнили о себе.

Я ведь готовилась к свадьбе.

Мать и отец собирали мне немудреное приданое.

И жених торопил. Он говорил, что очень влюблен, мой красивый Йен...

Говорил, что считает дни до того момента, когда мы будем вместе.

Так сильно хотел жениться на мне.

Он старше меня.

Он опытнее меня.

В осеннем лесу, где мы прогуливались вечерами, однажды он поцеловал меня.

И это был первый в моей жизни поцелуй.

Его я запомню на всю жизнь.

Потому что это самая прекрасная сладость, которую я отведала.

А даровал ее мне Он. Мой Йен.

О, как я была счастлива!

Пожалуй, единственный раз в жизни.

Я чувствовала себя любимой. Я чувствовала себя взрослой. Я чувствовала себя женщиной.

Созревшей для любви и запретных желаний.

Еще немного, и я стану женой.

Хозяйкой его дома.

А потом и матерью детей для любимого мужа.

...Какая я была наивная...

Мы танцевали в осеннем лесу, я сплела себе венок из листьев, гроздьев алых ягод и поздних трав.

Мне очень нравилось, что он любит меня.

Нравилось вызывать восхищение в его глазах.

Я сама себе казалась загадочной и необыкновенной. Я знала, что красива.

Но все это прекратилось в один день.

...Я все еще слышала отзвуки песенки, которую напевала, счастливая, в осеннем лесу, когда в наш дом явился Йен и сказал мне, что он от меня оказывается...

Глава 7

— Приехали!

Я очнулась от своей сладкой дремы.

Мой осенний сон, в котором я была счастлива, погас.

И я снова ощутила холодное дыхание зимы.

Вздрыгнула, в испуге притянув к себе Юну.

За тонкими стенами повозки слышались переговоры Темных Слуг. Скрипел снег и выл ветер.

А мы были на одном из плато на старой темной скале.

Я видела далеко внизу петляющую черную дорогу и огоньки города за снежной пеленой.

— Добро пожаловать в Великий Пень, — усмехнувшись, произнесла старая девушка.

Она прислушивалась к происходящему за тонкими стенками со страхом и с волнением, но старалась не подавать виду.

— Почему Пень? — невольно удивилась я.

— Потому что раньше эти скалы были огромным деревом, — ответила она. — В этом дереве Темные Господа устроили свое жилище. Залы, комнаты, террасы... целый город. А потом они ушли, и дерево умерло. Превратилось в голую скалу.

— Откуда ты все это знаешь? — удивленно спросила я.

Она не ответила.

Зато Юна обхватила меня за шею, привлекла к себе и зашептала:

— Ты что, не знаешь? Это же Лия, внучка безумной Гретты! Той жуткой сумасшедшей старухи, которой лет двести! Говорят, она прожила в плену у Темных много лет, а потом они ее выгнали. Или она сбежала. Поэтому она все про них знает... И вечно рассказывает страшные сказки про них.

Лия усмехнулась.

Слышать, о чем мы говорим, она не могла.

Но, наверное, догадывалась.

Но если так, если ее бабка прислуживала Темным, то отчего Лия пророчила нам смерть?..

Спрашивать я не стала.

Да и не успела б.

Теплая плотная ткань, которой была накрыта наша повозка, отдернулась сильной рукой.

И меня кто-то грубо ухватил, вытаскивая на свет белый...

Точнее, в темную ночь!

Небо было темно и покрыто снеговыми светлыми тучами.

Впереди, на заснеженных камнях, виднелся довольно широкий черный лаз. Вход в злополучную шахту!

Вот туда-то нас и повлекли Темные Слуги.

Юна запищала и намертво ко мне приклеилась. Обхватила меня руками и ногами.

Так, что разделить нас было очень трудно.

Так нас и выволокли на мороз.

Тут, в скалах, он был очень силен.

Да еще и ветер гулял.

Следом за нами выволокли и Лию.

Несмотря на свою осведомленность, она тоже перепугалась. С плачем кинулась нам в объятия, и мы приняли ее, позабыв о ее колких злых словах.

Теперь мы были все в одинаковой опасности, в одинаковой беде.

И всех нас троих погнали к смертельному краю.

Небеса, как мне было жутко!

Я не осознавала того, но сама захлебывалась рыданиями от испуга. Даже мороз меня не брал, потому что от страха кровь кипела.

Темнота морозной бездонной шахты грезилась мне. И пахло оттуда дурной смертью!

Теперь я молилась изо всех сил, чтобы все страхи оказались всего лишь сказкой. И чтобы мы остались в живых.

Но Темным на это, кажется, было плевать на наш плач.

Они гнали нас копьями, подталкивая остриями и направляя древками, к черной яме.

И я закричала, как безумная, когда копье ткнуло меня в живот, сталкивая в черный провал!

Я рухнула на спину.

Страхом меня обожгло с головы до ног.

Но вместо долгого падения я шлепнулась на холодные крепкие доски.

Юна прыгнула вслед за мной.

И Лия ступила на них вслед за нами.

Вместе с нами на дощатый щит ступил Темный Слуга.

— Не кричать! — велел он грозно.

Но разве можно не кричать, когда и дышать-то страшно?

Я зажала рот руками, чтобы рыданий моих не было слышно.

Темные Слуги меж тем принесли вязанку хвороста, несколько мешков и бросили их с нами на доски.

Один из Слуг встал рядом со мной и кивнул головой своим собратьям, показывая, что готов... Готов к чему?!

Где-то закрипели колеса, звучно дрогнули натянувшиеся веревки.

Деревянный настил подо мной дрогнул и медленно начал уходить вниз.

И мы втроем, под присмотром Темного Слуги, стали опускаться вниз, под землю.

Было невероятно холодно.

Так холодно, что мы, втроем сбившись в кучу, не могли согреться.

Закрывались своими меховыми плащами, прижимались друг к другу, и все равно дрожали.

Один только Темный стоял ровно, словно мороз его не беспокоил совсем.

Однако, чем ниже мы опускались, тем больше странно жарко мне становилось.

Точно так, как во время испытания, в ледяной воде.

Тело мое начало пылать, как в летний полдень на солнцепеке.

А кожа стала испускать то самое теплое, желтое сияние.

Словно я была большой свечой.

Сквозь теплый тяжелый плащ сияние было незаметно, а вот сквозь тонкую льняную одежду — очень даже хорошо видно.

— Вот зачем они дали нам такую легкую одежду, — пробормотала я, глядя, как мои ноги превращают юбку в приглушенный фонарик. — Мы для них точно не люди. Мы удобные и нужные вещи...

Скоро мы втроем осветили шахту, в которую спускались, и какой-то зал внизу.

Стены шахты странно поблескивали.

Я положила ладонь на камень, и по нему разбежались разноцветные искры.

Я увидела черные и зеленые волокна дерева, и драгоценные камни меж ними.

— Дерево превратилось в опал, — заметила Лия, наблюдая, как мой свет льется вниз по стене шахты.

— Не смей говорить в присутствии Темного без разрешения! — рявкнул Темный Слуга, и мы смолкли.

Вскоре мы опустились на пол этого зала, и Темный Слуга знаком велел нам сойти с досок.
Сам он снес мешки и вязанку хвороста, бросил их у промерзшей стены.
Снова вернулся на помост, дернул веревку, и его начали поднимать наверх.
А мы остались тут, внизу, в каменном темном мешке.
А за Темным Слугой еще и каменный люк закрылся, замуровывая нас тут одних!

Глава 8

— Ну, чего расселись, бездельницы? Думаете, вас для этого сюда доставили? От этого голоса, исходящего словно из души мрака, окутавшего зал, мы втроем вздрогнули.

Страх неминуемой смерти отодвинулся.

Но этот голос... что за существу он принадлежал?

В нем не было ни тепла, ни участия.

Только равнодушный и злой холод.

— И нечего так тарашиться на меня, — продолжал тот же голос, приближаясь. Я услышала и звук неторопливых, но твердых шагов. — На вашем месте я б опустила голову! Вас что, Темные не учили? Тогда моя палка вас научит наверняка!

В круг света, что испускали наши тела, вошла женщина.

Явно человек.

Средних лет, крепкая. Ей, наверное, было около сорока. Она была чуть старше Лии, но при этом она выглядела лучше.

Чистое, без морщин, светлое лицо не было бледным.

Не было и синяков от недосыпа и утомления под глазами.

В темных волосах, убранных под чепец, не было видно седых волосинок.

Если б она жила в нашем городе, нашлось бы много желающих на ней жениться.

Она была одета в коричневое платье из хорошего сукна, в зеленый жилет и в белый фартук.

Ее свечение почти погасло.

Да, да, она светилась так же, как мы. Только очень слабо. И осветить все вокруг уже не могла.

— Темные не велели нам смотреть в их лица, — отважилась ответить я. — Про людей ничего не было сказано.

Женщина усмехнулась и красноречиво подняла палку.

Она хлопнула ею о свою ладонь. Звук удара парализовал меня.

И я, сама не зная почему, быстро склонила голову, пряча взгляд.

— Вы все — Осенние Цветы, — произнесла она тяжким голосом. — А я — ваша наставница. Зовут меня Бесси. Отныне вы на службе у Темных и Темнейших. И должны слушаться меня беспрекословно.

— Как же мы будем вас слушаться, — робко произнесла Юна, — если вы нам запрещаете говорить и спрашивать, а сами мы ничего об этом месте не знаем?

Бесси сердито засопела и снова звучно шлепнула палкой о ладонь.

— Люди совсем сошли с ума! — прошептала она сердито. — Начали присылать детей! Сколько тебе лет, дитя мое?

— Шестнадцать, — несмело ответила Юна.

— Да? — недоверчиво произнесла Бесси. — А выглядишь ты худой и бледной, и на вид тебе не более четырнадцати.

— Да ей точно шестнадцать! — вступилась я за Юну.

— Молчать! — грозно рявкнула на меня Бесси. — Я с ней говорю, а не с тобой! Тебе-то откуда знать?

— Но я ее сестра, — несмело ответила я.

— Двоих из одного дома отдали? — поразила Бесси.

— Нас много, — торопливо пояснила Юна. — Сестер семеро, а еще трое братьев...

Бесси еще раз вздохнула. В ее темных холодных глазах промелькнула тень жалости.

— Отправить бы тебя домой...

— Нет, нет! — завопили мы с Юной в один голос.

— Я буду стараться! Я буду хорошо служить! — кричала Юна. — Я все могу!

— Если ее вернуть, если сказать им, что Юна не подошла Темным, они убьют ее, — глухо произнесла я. — Это ведь позор.

Бесси снова мотнула головой, осуждающе поджала губы.

— Ну, на кухне сгодишься, — произнесла она уже мягче. — Будешь при мне неотлучно. Только не думай, что я позволю тебе бездельничать!

Юна затрясла головой.

— Я так не думаю!

— Тем лучше для тебя. Стало быть, Юной тебя зовут?

Юна кивнула.

— Ну, а ты как зовешься, — обернулась ко мне Бесси.

Ее палка — старая, высохшая, осиновая, но все еще гибкая, — снова опустилась на ее ладонь с нехорошим звуком. От него по коже так и бежали мурашки.

— Я Дея, госпожа Бесси, — поспешно ответила я.

— Сколько тебе лет, Дея?

— Восемнадцать, — опустив глаза, ответила я.

— Восемнадцать! Самое время иди замуж. Ты молода, красива... Отчего ты не замужем?

Я склонила голову еще ниже.

Слезы навернулись на глаза.

Бесси словно нащупала болезненное место в моей душе и нарочно давила туда.

Чтобы было больно.

Словно своей палкой секла мне кожу.

— Отвечай!

От ее грозного окрика я вздрогнула.

— Я должна была выйти замуж, — прошептала я. — Но жених мой предпочел другую.

— Это хорошо, — грубо произнесла Бесси. — Не хлюпай носом. Я должна была убедиться, что за тобой не явится освободитель. Или еще хуже, — она вдруг недобро глянула на Лию. — Что ты вдруг вздумаешь бежать сама. Предатели не стоят такого риска, нет уж. И держаться от них надо подальше!

Лия съежилась от страха под ее взглядом.

А Юна так и ахнула.

— Так это правда! — вскричала она. — Вы были знакомы с ее бабкой, Греттой?

Бесси молча изучала лицо девушки.

— Да-а, — протянула она, наконец. — Те же черты. Те же дерзость и высокомерие в глазах. Странно, что Гретта тебя не спрятала и позволила забрать.

— Она стара и немощна, — тихо ответила Лия. — И ничего не решает.

— Стара! — с нехорошим удовлетворением воскликнула Бесси. — Что ж, поделом ей. Оставалась бы здесь — была б молода.

— О! — воскликнула я удивленно. — А вы...

— Мне двести пятьдесят лет, — с гордостью ответила Бесси. — Темнейшие щедро делятся долголетием со своими верными слугами. И одному только небу и Темнейшим ведомо, сколько я проживу.

Но, как бы горделиво не звучали ее слова, пальцы ее все ж дрожали.

И я заметила на ее запястьях застарелые, белые, тонкие, как нити и бледные, как тени, шрамы.

Может, от побоев.

А может, от грубых веревок, стягивающих ее руки.

Какое-то наказание за побег Гретты она понесла. Видимо, Темнейшие были щедры не только на долгие годы жизни, но и на расправу.

— Ну, хватит болтать! — сердито вскричала Бесси. — Нужно скорее привести в порядок кухню. Да и место, где вы будете жить, тоже неплохо было б отмыть как следует!

— Кухню? — удивленно переспросила я.

— Конечно, кухню, — ядовито ответила Бесси. — А где, по-твоему, ты находишься? Это господская кухня. Тут Темнейшим готовят еду.

— А что едят Темнейшие? — спросила я.

— Что сами пожелают, — грубо ответила Бесси.

— Я умею хорошо готовить мясо, — робко произнесла Лия.

— Фу! Фу! Смердная, дымная пища! Не смей даже думать, что твоя стряпня сгодится Темнейшим! — вскричала Бесси.

— А я умею печь хлеб, — сказала я.

— Хлеб? — повторила Бесси. Голос ее дрогнул. — Хлеб... вероятно, Темнейшие его тоже не захотят. Но есть мы, прислужницы Темнейших. Нам хлеб нужен всегда.

— Ты давно не ела хлеба, госпожа Бесси? — спросила Юна тихонько.

Бесси ответила тоскливым молчанием.

— Где же ты жила все это время? С Темнейшими? Они с собой тебя привезли?

Бесси встряхнулась, словно освобождаясь от печали, тоски и тяжких дум.

— С собой? — насмешливо воскликнула она. — Вот уж нет! Я тут и жила.

— Но тут холодно и страшно, как в пещере! — ужаснулась я.

Глаза Бесси вспыхнули недобрым огнем.

— Тут да, — ответила она. — А ниже, ближе к горячему земному ядру, вовсе неплохо.

— Под землей? — ужаснулась я. — Без солнечного света все это время? Это же ужасно!

Мне вдруг подумалось, что дарованное Темнейшими эльфийское долголетие не такое уж благо, если жизнь проходи в крошечной холодной тьме.

Но Бесси рассмеялась над моим испугом.

— Да уж куда лучше, чем в вашем крохотном городишке! — ответила она.

Глава 9

Есть хотелось дико. Не помню, когда в последний раз я ела.

Но Бесси не волновали такие мелочи.

— Шевелитесь, лентяйки! — безжалостно командовала она. — Нужно привести в порядок хотя бы уголок кухни. Где вы собираетесь спать? В грязи, в пыли и в паутине? Господа не любят неопрятных! Если вы выпачкаетесь, вас выдерут, как следует!

— Когда же нам дадут поесть? — испуганно спросила Юна.

Она тоже была голодна.

И перспектива голодной смерти ее не радовала.

— Когда Темные Господа пожелают вас накормить, — огрызнулась Бесси.

— А когда они пожелают?!

— Когда придут в Великий Пень, — ответила Бесси.

— Так их тут все еще нет, одни слуги?! — испуганно спросила я. Бесси лишь кивнула.

— Для того вас и собрали — чтоб приготовить все к их приезду! — ворчала Бесси.

— Но что, если их не будет месяц? — с ужасом спросила Юна.

Бесси усмехнулась.

— Потерпишь! — ответила она. — Они ведь, как будто, поделились с тобой бессмертием?

— Когда же успели?!

Бесси хитро глянула на нее.

— А голубая ледяная вода, — произнесла она. — Разве ты не отведала ее холода? В нем-то и был заключен секрет долгой жизни Темнейших. Так что месяц без еды ты протянешь. Дальше — как будет угодно небу и Темнейшим.

— Но я буду страдать! — в ужасе вскричала Юна.

— Еще как будешь, — ответила Бесси. — Но это не освободит тебя от работы.

Однако ж, мешки, оставленные Темным Слугой, она разобрать поспешила.

Там она нашла наше «приданое» — вещи, что добрые люди дали в помощь избранным Темными девушкам.

Несколько глиняных горшков, кружек, простых ложек и вилок, выточенных из рогов животных.

Пучок свечек, кулек с солью и сахаром, какие-то толстые мохнатые шали, чтоб мы могли согреться.

И кусок хлеба. Половина каравая, но собранная с любовью и милосердием.

Хлеб, бережно завернутый в вышитое полотняное полотенце...

Схватив его, Бесси прижала его к лицу, жадно принялась.

— Ах, сколько лет я не пробовала хлеба, испеченного человеком! — прошептала она чуть слышно. — Сколько!..

Она разломала его тотчас же, на четыре куска.

Один торопливо принялась есть сама, другие нам отдала.

И мы, чуть не давась, принялись есть эту нехитрую еду, чуть подсаливая мякиш.

— Из чего же пекут хлеб Темные? — осмелилась спросить я.

Бесси пожала плечами.

— Верно, просеивают пылицу цветов и лунный свет, — проворчала она. — Только хлеб их не питает. Он вкусный, как... как сладость, как медовые соты. Только нет в нем силы земли, как в человеческом хлебе.

— Скучаете по миру людей? — спросила я. — У вас там... кто-то остался?

Лицо Бесси сразу переменялось.

Из расслабленного и мечтательного сделалось холодным.

Она метнула взгляд на Лию и резко отряхнулась, будто крошки хлеба могли ее испачкать.

— Нет, никого, — резко ответила она. — Ну, сколько можно лопать? Шевелитесь!

Во втором мешке были собраны несколько кульков с крупами, сухари, мука. Не бог весть что, но увидев их, Бесси повеселела.

— А ты переживала, что есть нечего, — посмеиваясь, произнесла она. — Вас неплохо собрали в путь. Значит, голодать точно не придется.

Увидев каши, Юна успокоилась.

А я невольно отметила, что в обоих мешках не было ни единой вещи, которая раньше принадлежала б нашей семье. Ни мешочка с крупой или с сухарями, ни коробка спичек. Ничего.

Немного заглушив голод, мы принялись за работу.

Ожидая прибытия новых служанок, Бесси немного подготовилась к уборке.

Принесла несколько ведер, щетки и метлы.

Свои нарядные серые плащи нам пришлось снять.

Поверх красивых, но бесполезных на таком холоде льняных одежд мы напялили темные шерстяные юбки, что положили для нас в мешок сердобольные горожане.

Повязали шерстяные платки крест-накрест на тело.

— Раз вызываешься печь хлеб, так займись-ка печью! — завила Бесси, вручая мне совок, щетку и угольное ведро. — Вычисти ее и растопи. Не то холод нас доконает быстрее голода. Закоченеет так, что никакие Темные не помогут.

Сама же она с девушками, вооружившись щетками на длинных-длинных ручках, принялась отскребать пыль и грязь с высоких стен и с пола в небольшом закутке, где нам предстояло обосноваться на эту ночь.

Щетки их доставали почти до потолка.

Они сдирали серую пыль, обнажая красивое, благородное дерево и зеленые опаловые прожилки в нем. И темная, угрюмая, грязная комната преображалась, становясь величественной.

Я же поскорее занялась печью.

Свечение мое постепенно гасло, становилось все холоднее, и мне не терпелось поскорее развести огонь, чтоб хоть согреться немного.

Щеткой я смела с кирпичей паутину.

Вычистила из печи остатки золы, что слежалась чуть не в камень. Ручкой щетки колодила по наиболее отвердевшим остаткам прогоревших углей, совком собирала их и щеткой выметала серую пыль.

Было трудно; то и дело я смачивала щетку, чтоб прибить поднимающуюся пыль.

Щетка быстро леденела в моих руках.

Щетина ее гремела, становилась колкой и ломкой.

Но я старалась очистить каждый кирпичик. Каждый шов между составляющими печь камнями.

И скоро она была ну как новая.

А руки мои — красными и замерзшими. И свечение мое почти погасло.

Наверное, на него у меня просто не оставалось больше сил.

— Давай, давай, девонька! — подбодрила меня Бесси. — Растопишь печь, и станет жарко. Тут очень хорошая тяга, огонь займется мгновенно! Мы нагреем воды, обдадим пол кипятком, и будет очень чисто и тепло!

Шмыгая носом, я наломала тонких веточек в куче хвороста, оставленного Темными. Надрала коры с веток покрупнее, сложила ее шалашиком в печи и обложила тонкими ветками.

Подожгла кору, и языки пламени запрыгали по сухому дереву.

А мои протянутые к огню руки больно заломило, закололо словно острыми иголочками. Они отходили от мороза медленно, расправлялись замерзшие скрюченные пальцы. И я чуть не рыдала в голос от ломящей боли.

Слезы капали с моих ресниц, но я старалась не подать виду, греясь.

— Ну, чего ты там застыла? — одернул меня грозный окрик Бесси. — Сейчас все прогорит и погаснет, а ты дров не успеешь подложить! Ну, шевелись! Всем охота согреться!

Пришлось ее послушаться, тем более что пальцы немного отогрелись и более-менее слушались.

В вязанке с хворостом обнаружился и топорик — маленький и легкий, но удобный и острый. Наверняка кузнец положил для нас.

Для наших тонких рук этот топор был самым удобным.

Им я быстро порубила ветку потолще и аккуратно разложила получившиеся дрова над разгорающимся пламенем.

Потом принялась рубить самые крупные ветки и стволы молодых деревьев.

Полешки кидала в топку не глядя.

Бесси не наврала — тяга была отличная, такая, что в трубе завывало.

Огонь пылал все веселее, густое и сухое тепло начало наполнять пространство.

Только сейчас я заметила, как продрогла и как трясусь вся.

— Живее, живее! — подгоняла меня Бесси. — Сейчас согреем воды, напьемся чаю! И будет совсем жарко!

Я рубила дрова, не жалея сил.

Бесси, взяв ведро почище, отправилась куда-то за водой.

А девушки, измученные, с заледеневшими руками, побросали свои щетки и прижались к медленно нагревающемуся боку печи.

— О, я думала, у меня душа вылетит вон, — прошептала в слезах Юна. — Еще немного, и я насмерть бы замерзла!

— Старуха на меня волком смотрит, — жаловалась Лия. — Будто я что плохое ей сделала! Ох, чую — изведет она меня!

— Наверное, твоя бабка перед ней в чем-то провинилась, — шепотом предположила Юна. — Вот Бесси и злится!

— А я тут причем, — огрызнулась Лия, чуть не плача. — Ох, нелегкая мне достанется судьба!

— Как и нам всем, — глухо ответила я. — Что-то ты рано расклеилась. Это только первый день. И работа не самая трудная.

— Здесь холодно! — зло отчеканила Лия. — Холодно, как в самом холодном ледяном аду! И кормить они нас не собираются! Ты что, не слышала? Или не поняла еще, что мы им как муравьи, как мухи! Захотят — раздавят, захотят — голодом заморят! И новых наберут!

Кажется, ее накрыла с головой истерика со страхом.

Говорить она не могла, только всхлипывала и дергала головой.

Словно тонула и пыталась выбраться, глотнуть воздуха.

— Но ведь мы здесь для того, чтоб оживить этот огромный дом, — робко напомнила Юна. — Не может же быть, чтоб мы были не важны!

— Слишком много о себе возомнила, — раздался насмешливый голос Бесси.

Она снова появилась из темноты, из дверного проема, ведущего в другой зал или коридор. Отсюда было не разобрать.

Она принесла пару ведер с водой.

С той самой, что сияла как голубой топаз и даже на вид была просто ледяной.

— Но нам так сказали, — робко вступилась за сестру я.

— Мало ли что вам говорили, — фыркнула насмешливо Бесси, покосившись на Лию. — Я даже знаю, кто вас пичкал этой дрянной глупостью. По-настоящему возродить и отогреть это место могут только Темнейшие. Когда явятся сюда, разумеется. А ваше дело — приготовить им достойное место для жизни.

Глава 10

— Нечего грязными руками тянуться к пище!

Осиновая палка Бесс, о которой мы позабыли, прогулялась по нашим рукам, когда мы вздумали достать посуду и крупы.

Было ужасно больно. На пальцах остались горящие красные следы.

Лие досталось больше всех. От удара осиновой палкой кожа на тыльной стороне ее ладони лопнула, пошла кровь.

Лия вскрикнула. А Бесси недобро усмехнулась и звучно шлепнула этой же палкой о свою ладонь.

— Мыть руки, — прошипела она недобро. — Для кого вскипачена вода?! А потом привести себя в порядок! Снять грязное! Прибрать волосы! И только потом — готовить пищу! Привыкайте выглядеть опрятно, скромно и чисто! Тут вам не хлев!

Пришлось подчиниться, хоть побитые пальцы болели и плохо слушались.

Бесси проследила, чтоб мы вычистили ногти, отмыли лица и руки чуть не по локоть.

Только после этого она разрешила нам заварить чай — травы, что собрали для нас сердобольные люди, — и поставить вариться кашу.

Но и за этим нехитрым процессом она зорко наблюдала.

Лию заставила перемыть тщательнее глиняный горшок и обдать его кипятком три раза, прежде чем она всыпала туда чай.

Меня же она заставила сначала тщательно перебрать крупу, удалив не только грязные, испорченные зерна, но и сколько-нибудь некрасивые.

После этого я в глиняной миске перемыла крупу для каши так чисто, что вода, в которой эта крупа была замочена, оставалась кристально-чистой.

Но и после этого Бесси, тыча в меня палкой, заставила еще трижды сполоснуть крупу. И лишь затем — залить ее горячей водой и дать постоять, чтоб ушла горечь.

— Вот так-то, — довольная собой, ворчала она. — Все должно быть очень чистым. Привыкайте, неряхи! Что это? Пятно?

— Вода брызнула на печь, госпожа Бесси, — испуганно ответила Юна. — Из закипевшего котелка...

— Быстро возьми тряпку и протри! — рыкнула Бесси. — И не забывай это делать каждый раз, когда увидишь, что на печь брызгает суп или жир!

Юна от испуга склонила голову и поспешила послушаться.

Я же занялась приготовлением каши.

Остывшую воду слила с крупы, перемыла ее еще раз и переложил в котелок с дном потолще. Залила водой. Немного подсолила и поставила в горячую печь — вариться.

— Тотчас же, тотчас же мой за собой посуду! — бубнила над душой Бесси. — Не оставляй грязного! Живее! Все должно быть аккуратно!

Если честно, я всегда так и делала.

Но тут, с суровым надсмотрщиком над душой, я оробела и боялась лишний раз и пальцем пошевелить. И металась туда-сюда от ее грозных окриков.

Нервы мои были напряжены сильнее некуда, хотя казалось бы, что сложного — просто кашу сварить!

Каша закипела, забулькала.

Я добавила в нее немного сахара, буквально половинку ложечки, немного топленого масла, нашедшегося среди припасов в мешке.

— Сильно не расходуи, — гудела над плечом Бесси, наблюдая за процессом. — Мне тут толстухи откормленные не нужны!

Я тщательно перемешала кашу, которая начала булькать и жирно чавкать, и накрыла ее крышкой.

— Немного потомится, и будет готово, — тихо сказала я Бесси.

Та кивнула головой:

— Вот и славно. А пока живо приведи все в порядок, сотри брызги, и живо мыть посуду!

Чашки, из которых нам предстояло есть, Бесси тоже заставила перемыть на несколько раз. И ложки с вилками прополоскать в кипятке, словно смывая с них налет прошлой нашей жизни.

Пока мы этим занимались, подспела каша.

От нее шел прекрасный вкусный аромат. Вся вода впиталась в масляную сладкую крупу, и каша была воздушной, рассыпчатой, беловато-желтой.

— Как облака на рассвете, — пробормотала Бесси задумчиво, когда я накладывала кашу по тарелкам. — Что ж, ты неплохо готовишь. Из тебя выйдет толк.

Есть мы у ourselves тут же, рядом у печи, на недорубленный хворост, набросив на плечи плащи.

И никогда травяной чай и простая скромная каша не были такими вкусными, как здесь, в холодном подземелье.

Хотя стоит признать, что холодное подземелье стало намного теплее.

То ли печь была просто-таки волшебной, то ли стены хорошо хранили тепло.

Да только от горячего чая и от еды мне стало жарко.

Я распустила завязки плаща на шее, чуть сдвинула чепчик со лба.

— Сильно-то не оголяйся, — строго одернула меня Бесси. — Сейчас доедим, и пойдешь со мной за водой. Посуду нужно перемыть тотчас же, не оставляя на завтра. Да еще нужно на завтра, для умывания. А воду мы всю истратили.

Это мне не очень-то понравилось.

Я ужасно устала. Глаза мои слипались. Руки дрожали.

Но делать было нечего.

Я проглотила последнюю ложку каши, чувствуя, как слезы отчаяния щекожут мне нос. Наверное, от усталости мне вздумалось реветь. Но именно сейчас, издерганная и измученная, я ощутила просто невероятные безысходность и отчаяние...

— Шевелись! — окрикнула меня Бесси.

И я послушно нащупала натруженной ладонью ручку ведра.

За дверями кухни был мрак и холод.

И огромный, как широкий тракт, коридор.

По одну сторону его тянулись двери, по другую — высокие сводчатые окна, наглухо заложенные камнями.

— Если их размуровать, то будет виден свет? — спросила я.

Бесси усмехнулась.

— Что, так быстро соскучилась по солнцу?

— Нет, но все же?

— Будет, — ответила Бесси.

— А Темные Господа любят свет? Или нет? Они ведь Темные...

Бесси снова усмехнулась.

— Они темны не потому, что страшны или света не любят, — вполголоса произнесла она. — Они хороши собой и светлы лицами. Только тьма в их сердцах. Они недобрые, высокомерные и холодные. И знают это.

Коридор скоро вывел нас в огромный зал, и я ахнула, рассматривая его своды.

Моего свечения было б маловато, чтоб осветить его весь, но круглую площадку, сравнимую с базарной площадью нашего города, я осветила.

Посередине ее бил фонтан с той самой голубой ледяной водой.

Он был очень изящно выполнен из камня, кажется, белого.

А весь зал походил на амфитеатр.

Стены его поднимались ярусами, и каждый был украшен воздушными каменными анфиладами.

На них-то и разрослись грибы, мхи и цветы, светящиеся в темноте и освещающие весь зал до самого сводчатого купола.

Они были блеклые, тощие и слабые.

Но все равно красивые больной, умирающей красотой.

Среди плетей заиндевелога мха на колоннах были устроены кое-как и фонарики.

Они горели тускло, свет их был теплый и неяркий. И из-за их света все это величественное помещение казалось мне сказочно прекрасным.

— Хватит глазеть, — одернула меня Бесси. — Наполним ведра — и обратно!

Но уйти обратно на кухню нам было не суждено.

Прежде, чем я запустила в источник свое ведро, коридор, ведущий в зал, наполнился шумом. Топотом копыт и голосами.

— Темнейшие! — в сильнейшем волнении выдохнула Бесси. — Кланяйся, девчонка! Ниже голову!

Я склонилась, пряча лицо. Хотя больше всего на свете мне хотелось посмотреть, что за существа эти Темнейшие.

Ну, кое-что я увидела.

Лошади.

Они у Темнейших были хороши.

Не такие, как у нас в городе. Намного красивее. Тонконогие, с блестящей, как алмазы, шерстью. С красивыми седлами и богатой сбруей.

Сами Темнейшие — а именно они нас окружили, — были одеты в очень красивые одежды.

В белые, усыпанные жемчугом и перламутром так, что казалось, будто это дождь льется по ледяной стене, и в черные, расшитые серебром и золотом.

Впереди всех, на черной тонконогой горячей лошади была женщина.

Разодетая в светлые одежды, украшенные серебром и жемчугом.

С длинными и светлыми волосами, ниспадающими нежными локонами чуть ли не до колен.

Изящная и прекрасная, с глубоким мелодичным голосом.

Но в словах ее слышался лед.

Высокомерие ее обжигало слух и сердце.

— Служанки? — воскликнула она, осадив скакуна. — Здесь служанки!

Бесси рядом со мной задрожала.

— Приветствую вас, Темнейшая. Мы всего лишь хотели взять немного воды, Темнейшая, — смирно произнесла она.

— Мне все равно, зачем вы здесь, — грубо перебила ее Темнейшая. — Это кто?

И она указала на меня.

У меня от страха ноги подкосились.

Я едва не упала на колени и чуть не завопила от страха.

Внимание Темнейшей к моей персоне показалось мне чем-то ужасным.

Сердце мое колотилось, словно вот-вот свершится что-то непоправимое.

Что-то страшнее, чем смерть.

— Это юная служанка, свежий Осенний Цветок, — поспешно ответила Бесси. — Она совсем неопытная, пугливая. Сегодня только прибыла...

— Мне все равно, — ледяным змеиным голосом ответила Темнейшая, — опытна она или нет. Она здесь затем, чтоб выполнять свой долг! Годится она для этого?

Долг!

Я так и ахнула.

Тело мое задрожало так, что ручка ведра выскользнула из ладони.

Бесси перевела дух.

— Годится, — тихо ответила она.

— Так подготовьте ее! — резко велела Темнейшая. — Живо!

Бесси снова вздохнула, словно проглатывая свое волнение.

И обернулась ко мне.

Я подняла на нее перепуганный взгляд.

Ее лицо было каким-то неживым, серым.

— Ну, девочка, — произнесла она отрывисто, с трудом проговаривая каждое слово, — теперь тебе предстоит сделать то, зачем ты сюда была привезена.

— Но разве не убираться, — промямлила я. — Наводить порядок! Мыть и скрести!

Бесси лишь качнула головой отрицательно.

А сильные руки схватили меня и бесцеремонно сорвали с плеч теплый плащ.

— Ты должна будешь возлечь на ложе с Темнейшим Господином, — печально и немного торжественно произнесла Бесси.

Глава 11

— Нет-нет-нет! Я не могу! Я не буду! — кричу я.
Но кто меня слушает?..
Ужас и стыд кипятком опалили мне нервы.
Лечь в постель с мужчиной?! Обнаженной?! Отдаться в его власть?!
Отдать свою чистоту вот так, первому попавшемуся? Да пусть и трижды Темнейший —
для него ведь самое главное во мне ничего не стоит!
Самое дорогое, самое чистое он возьмет, как яблоко с чаши, полной фруктов.
Накусит и отшвырнет!
Просто изломает меня, для потехи! Потому что так хочет!
Нет!!!
Да лучше смерть!
Я рванулась из удерживающих меня рук, но тщетно.
Темные Слуги бесцеремонно потрошили меня, как дети мешок с подарками.
Стаскивали одежду, дергали завязки...
Я с незнакомым мужчиной!.. Позор. Этот позор сильнее того, что произошел со мной
в городе.
Сильнее отречения Йена.
В памяти отчего-то особо ярко вспыхнуло воспоминание о нем.
О моем любимом Йене, о предателе Йене! И слезы так и брызнули из моих глаз.
Я ведь берегла себя для него.
Я и сейчас его люблю, с изумлением поняла я.
И то, что я никогда никому не достанусь, было мне хоть небольшим, но утешением. Ведь
я хотела принадлежать только Йену. Мысленно я была его уже тогда, той счастливой осенью.
И больше ничьей.
И то, что случится со мной, я буду считать изменой Йену!
— Я не могу ему изменить! Я не могу предать то, что мне так дорого... — бормотала я.
Но вряд ли кто-то понимал мои бессвязные слова.
А я, голая, стоящая посреди деловито снующих туда-сюда Темных Слуг, не могла сказать
что-то внятное.
Только беззвучно рыдала да прикрывалась руками, сгорая от мучительного стыда.
Вот какова истинная цель моего пребывания тут!
Вот о чем стыдливо умалчивали все, отводя взгляды от нашей процессии!
— Это великая честь, — стараясь ободрить меня, сказала Бесси.
Говорит так, а у самой глаза так и бегают.
И пунцовые пятна расцветают на щеках.
Честь?!
Да это самое страшное унижение и бесчестие!
Я даже не человек. Я вещь.
Теперь я это поняла со всей ясностью. И разрыдалась, перемежая плач истеричным хохотом.
Потому что сама обрекла себя на это.
Какая же я глупая!..
...Прости, Йен.
Я клялась, я обещалась только тебе. Но сейчас от меня не зависит ничто.
В наших отношениях предателем должен был остаться только ты. А теперь мы оба будем
такowymi...
И больше я не посмею даже думать о тебе. Вспоминать и мечтать о тебе не смогу.

Ведь я опозорена и недостойна тебя.

Да и вообще никого.

Быстро, как-то незаметно, Темные сложили костер и на нем установили огромный котел — для меня. Ну, все верно, грешникам там самое место!

На дно котла уложили деревянную толстую решетку, чтоб я не обожгла ноги, и налили туда воды из источника.

Нашими же ведрами!

Не особо церемонясь, подхватили меня под руки и бросили в этот котел, где я и присела, скрываясь от взглядов в воде.

Уж лучше трястись от холода, чем гореть от стыда!

Но голубая ледяная вода предала меня.

Она снова осветилась моим мягким волшебным свечением, и мне стало тепло.

И тело мое видно стало тем, кто доливал ведрами воду в мой котел.

Костер быстро нагрел котел, стало жарко. Очень жарко.

Я не выдержала и вынырнула, хватая ртом холодный воздух.

А Темные лили воду и сыпали вокруг меня душистые травы.

И та, Темнейшая, сидя верхом, смотрела на меня и на эти странные приготовления с недоброй улыбкой...

Она была красива.

Очень красива, как полная луна в зимних небесах.

Казалось, от нее тоже исходит свечение.

Но это был лишь блеск ее золотых волос, нежной кожи и драгоценного перламутра на ее одежде.

Интересно, зачем ей это?.. Зачем ей я? Ну, то есть... Зачем она удовлетворяет эти мерзкие желания Темнейшего? Она его слуга? Или родственница? Зачем это?!

Как мерзко...

Рядом Темные поставили шелковый желтый шатер.

Казалось, он тоже был объят теплым светом, но это был лишь отблеск огня на шелке.

И — тут я совершенно сомлела от страха, — в него внесли на носилках мужчину.

Я лишь мельком его увидела. Кажется, он спал.

— Достаточно! — крикнула Темнейшая, когда вода вокруг моего тела вскипела ключом.
— Вынимайте ее!

Что и было сделано.

Темные Слуги меня достали и закутали с головой в мягкую теплую ткань, поспешно высушивая кожу и волосы.

Я задыхалась, чувствуя себя словно после самой безжалостной горячей бани. А они меня на руках несли, несли в этот шатер, и сердце мое вот-вот готово было лопнуть от страха, стыда и жара.

И вслед за нами шла прекрасная и жестокая Темнейшая.

Глава 12

Пусть произойдет чудо, и меня кто-нибудь спасет!

В отчаянии я готова была поверить, что сейчас сюда ворвется Йен с толпой своих друзей-охотников! Они криками и факелами распугают Темных Слуг.

Наставят луки, заряженные острыми стрелами на Темнейших, и вынесут меня отсюда, бережно прикрыв мою наготу!

И этот кошмар навсегда закончится...

Наивная и горячая мечта.

Чуда, конечно, не происходит.

Темные слуги вытряхивают меня из ткани прямо посреди шатра, и поспешно уходят, оставляя наедине с Темнейшей и с... ним.

Внутри, в шатре, тепло.

Жаровни делают свое дело. А еще изнутри шелковые стены шатра обшиты плотной теплой тканью, не пропускающей ветер и холод, и обтянуты черной кожей.

На ней серебряными нитями вышит тонкий узор. словно морозное кружево на стекле.

Посередине шатра — постель. пышная и белая, словно стог сена, накрытый чистой хрустящей простыней. Подушки, расшитые тонкими шелковыми нитями.

И спящий мужчина в яркой свободной одежде.

Уже лучше.

Я нервно сглотнула, переминаясь с ноги на ногу. Большого рассмотреть я не успела, вспомнив, что мне нельзя смотреть на Темнейших.

Опустила голову, прикрылась руками.

И Темнейшая, внимательно рассмотрев мою распаренную, красную кожу, усмехнулась.

— Не знаешь, что нужно делать? — высокомерно произнесла она.

Я от стыда и страха даже ответить не смогла. Только замотала головой, глотая слезы.

— Полезай в постель и ложись смирно подле Повелителя.

— Я не могу, — забормотала я. — Я никогда...

— Ты хочешь сказать, что невинна? — грозно и холодно уточнила Темнейшая. — тоже мне, сокровище! Так другая и не смеет касаться Темнейшего! Ну, живо! Долго я еще буду тебя уламывать? Ощущение такое, что я дрессирую не самое умное животное...

Она устало потеряла виски.

При всей ее красоте и нежности, дарованной Темнейшим природой, было видно, что она устала и очень зла. Меж бровями залегла тонкая морщинка. Нежные губы были сжаты в почти болезненную гримасу.

Странно как... Почему она унижает мою невинность, если это единственное условие, по которому я гожусь в служанки Темнейшим?

— Но зачем?.. — вырвалось у меня невольно.

— Зачем?

Она подняла голову и вдруг улыбнулась. Нехорошо, холодно.

И словно торжествуя.

— Взгляни на него, — велела вдруг она.

В ее словах звучала гордость. Ликование и обожание без предела.

Это были слова не Темнейшей — простой женщины.

Она хотела похвастаться своим трофеем. Своим прекрасным возлюбленным.

Я не смела поднять глаз.

— Ну же, смелее, — чуть мягче велела она. — Посмотри на него.

Я насилу смогла поднять взгляд.

— Ну, как он тебе?

От увиденного вздох застыл на моих губах.

Спящий мужчина был настолько хорош, что меня снова словно окатило кипятком.

Казалось, слезы из света брызнули из моих глаз. И я чуть не упала на колени, полня восторга и благоговения.

Темный эльф, вытянувшись, лежал в мягких подушках. И даже его небрежная поза была изящной и грациозной.

У него были широкие плечи и очень красивые руки. Длинные пальцы, крепкие ладони. Образец изящества и силы.

Грация хищного животного, устроившегося на отдых.

Сильное стройное тело.

Лицо невероятно притягательное. Кожа словно самый тонкий, светящийся фарфор, на котором выписаны мужественные, почти суровые черты.

Высокие скулы. Чувственные, красиво очерченные губы. Тонкий породистый нос.

Нахмуренные темные широкие брови.

Большие глаза, прикрытые дрожащими веками.

От черных ресниц синеватые тени лежали на щеках, делая глаза еще больше.

Черные длинные волосы его разметались по подушке.

Острое эльфийское ухо, насквозь просвеченное ночным светом, полупрозрачное, словно горящая свеча. В нем серьга — старинное черное серебро.

Но она не могла отнять и капли мужественности у спящего эльфа!

Я словно увидела чудо. И оторваться от этого зрелища не могла. Как зачарованная. Как отправленная на погибель.

— Хорош? — спросила меня Темнейшая с едким любопытством. — Хватит глазеть, опусти свои бессовестные глаза!

Я насилу смогла выполнить ее резкий приказ.

А дыхание мое сбилось и рвалось из губ рваными толчками, выдавая волнение.

— Я спросила — хорош ли Темнейший Повелитель? — снова спросила она грубо.

— Он прекрасен, — хрипло ответила я, еще ниже опустив алеющее лицо.

— Это мой будущий муж, — так же горделиво и надменно пояснила Темнейшая.

— Но тогда вовсе непонятно...

— Да что же тебе не понятно, глупое животное, — процедила она зло сквозь зубы. — Он же спит! Я избрала его себе в мужа. Я умолила Старейшин разрешить этот брак и продолжить его славный род. Я готова родить ему столько детей, сколько он пожелает. Но для этого он должен проснуться! А он впал в сон очень давно. Мир его больше не интересовал. Поэтому нужно отогреть и оживить его теплом твоего тела. Поняла? Ну, живо!

И она подстегнула меня — ну, точно как упрямого мула.

Плеть обожгла мою спину.

От удара я вскрикнула.

Но крик мой не разжалобил Темнейшую.

Мой стыд и страх ее не волновали вовсе.

— Но ведь я женщина, — вся дрожа, бормотала я, неловко забираясь на край постели. Стыдно было так, что мне казалось — я сейчас прожгу черные рваные дыры в белоснежном белье. — А он мужчина. А если он проснется и решит мной овладеть... Это же ваш жених! Как вы можете его класть в постель с другими?! Это же неприлично!

Темнейшая расхохоталась, закинув голову.

— Неприлично? Это ты мне говоришь, женщина из народца, который при любом удобном случае совокупляется, как грязные свиньи?!

Ее прекрасные глаза недобро блеснули, и она еще раз угостила меня ударом плети поперек голой спины.

От этого удара я рухнула в постель лицом и залилась горячими слезами.

Красная полоса словно огнем была налита.

— Самонадеянная дурочка, — выругалась Темнейшая, нетерпеливо дергая меня за ногу, принуждая перевернуться на спину. — Что ты о себе возомнила?! Деревенская тупая корова... Женщина?! Ты?! Не более, чем жаровня, набитая углями! Темнейший никогда не посмотрит на тебя, как на женщину. Да и без брака эльф не возьмет ни одну женщину вообще. Потому что, в отличие от вас, похотливых животных, эльфы хранят себя для того единственного, кого полюбят. Мужчины-эльфы векам хранят верность той, которую еще даже не видели и не встретили! Эльфы никогда не захотят ни одну из женщин, если эта женщина не предназначена ему небесами, и если он чувствует, что это не его пара! И выбирают эльфы раз и навсегда! Неужто ты думаешь, что Темнейший выберет тебя?! Предпочтет несчастную сотню-другую лет твоей жизни вечности, которую может в счастье и любви провести с равной ему?!

Выговаривая все это, Темнейшая тычками и ударами принудила меня пододвинуться к мужчине вплотную. Заставила лечь на спину, вытянуть руки вдоль тела и плотно сжать ноги.

— Прими пристойное положение! — рыкала она, тыча в мои бедра рукояткой плети. — Сожми свои ноги! Крепче! Бесстыжая... Никаких вольностей рядом с Темнейшим! Ты должна просто лежать и отдавать ему свое тепло!

«Она подтыкает меня под него, как теплое одеяло!» — мелькнуло у меня в голове.

После Темнейшая положила его руку на мою часто вздымающуюся горячую грудь. Придвинула ближе спящего мужчину ко мне.

Его сонное тело чуть навалилось на меня.

Рука его меня обхватила.

И я замерла, затихла, напряженно вытянувшись и сжав кулаки, хотя от стыда и страха хотелось кричать.

Но я лишь постанывала сквозь сжатые зубы.

За что снова была удостоена очередного удара плетью, ожегшего мне бедро.

— Веди себя тихо и не оскорбляй слуха Темнейших своим жалким воем! — рыкнула Темнейшая, накрывая нас теплым одеялом. Словно легким плотным облаком.

Постельное белье было чистым, холодным, приятно пахло травами и цветами.

А кожа мужчины, прижавшегося ко мне, была прохладна и приятна, как гладкий атлас.

Я слышала его медленное-медленное дыхание на подушке, рядом с моей головой.

И его длиннопалая ладонь, лежавшая на моем сердце, была тяжела, словно плитка мрамора.

Одеяло приятно охладило мою разгоряченную кожу.

Прикосновения Темнейшего — тоже.

Я даже почувствовала невероятное облегчение, когда мой жар схлынул, и, как мне показалось, впитался в его ладонь.

Пальцы его дрогнули и стали гибкими, мягкими. Теплыми. Живыми.

Я, оглушенная ударами собственного сердца, замирая и в струнку вытягивая ноги, лежала под одеялом, в объятьях чужого, незнакомого мужчины.

Невероятно, сказочно, нереально красивого мужчины!

Я чувствовала его дыхание на своей напряженной шее.

Чувствовала прикосновение его разгоревшихся во сне губ к своему плечу.

Ах!.. Да!.. Еще!..

...Его пальцы чуть сжались на округлости моей груди, и я ощутила, как стыд, охватывающий меня, вдруг стал тягучим и сладким. Желанным и пьянящим, как волшебство...

...Как любовная истома, когда тебя к себе привлекает любимый...

Я чувствовала, что горю уже не от стыда, а от вожделения.

Умирала от желания просто коснуться его губ.

Едва не корчилась от жажды, чтоб его мягкая ладонь скользнула по моей груди ниже... и еще ниже!

Стыдилась себе признаться, что поворачиваю голову — совсем понемногу, по чуть-чуть, — чтобы поймать его дыхание и постараться коснуться его губ своими губами!

И мне казалось, что я ему... нужна! Как глоток воздуха, как росток жизни. Как что-то, что заставляло биться его бессмертное сердце.

Его прохладное тело льнуло ко мне.

Мы лежали так, что мне было уютно и удобно. Изгибы наших тел как-то странно совпали. Было удобно, словно мы уже много лет засыпали вместе.

Засыпанные листьями и осенним цветами...

Чтоб проснуться через века, окруженные этой же листвой и осенней свежестью.

Он, спящий древним непробудным сном, не казался мне неживым или каким-то ненастоящим, невероятным.

Он был просто мужчиной. Уставшим, замерзшим. Тянущимся к уюту и теплу, как измученный странник. Но живым и теплым!

Жар моего тела, который так мучил меня, схлынул, будто впитавшись в Темнейшего.

От этого — я видела! — румянец лег на его щеки.

Губы стали влажными и мягкими.

Невидимые связи нас притянули друг к другу.

Я лихорадочно соображала, мерещится ли мне наша связь, или это действительно происходит.

Но мужчина все сильнее обнимал меня.

И я все больше принимала его.

Визуалы! Выбираем гг!

Главзлыдня!

А с Темнейим сложнее:

- 1.
2. Ахах, похож на бритого Арагорна))
- 3.
- 4.
5. Грозный! Черный! Плащ!
- 6.
- 7.

Глава 13

Темнейшая тоже легла подле спящего мужчины.

За его спиной, обняв его за плечи.

— Мой Темный Лорд, — любовно прошептала она.

Ее пальцы мечтательно перебирали его длинные блестящие черные волосы.

А в голосе слышалась такая откровенная влюбленность, что я снова почувствовала острый стыд.

Стало неудобно, колко, словно я лежала в постели, полной песка и крошек.

Присутствовать при чужих признаниях, слушать откровенные слова о любви мне было крайне неловко. Хотелось скрыться, спрятаться от признаний.

Темнейшая же не испытывала никакой неловкости.

Мое присутствие для нее было не большей помехой, чем огонь в печи.

И она без смущения шептала ласковые слова.

— Мой Черный Король, — в ее тихом голосе послышалась гордость и обожание. — Ты — моя жажда, мой трофей, моя победа! Я избрала тебя. Я полюбила тебя с первого мига, с первого взгляда. И я готова ждать твоего пробуждения вечно. Я буду рядом с тобой всегда. Днями и ночами. Я сделаю все, чтобы твой дух, блуждающий по полям снов, вернулся в твое тело. Я отопрею, разбужу, и поприветствую тебя в этом незнакомом тебе новом мире!

«Хорошенькое дело, — подумала я. — Да ведь он ее даже не знает! И согласие на брак не давал! Проснется, а тут невеста, которую он не любит... Которая все решила за него! Интересно, что он скажет. Не может же быть, чтоб он безмолвно согласился с выбранной ему судьбой! А может, у Темнейших иначе зажигается любовь, чем у людей? Может, одного ее желания будет достаточно, чтоб и он полюбил ее?»

Но подобные мысли, кажется, не посещали голову Темнейшей.

Она с совершенным восторгом рассматривала спящего, ласкалась к нему, обнимала его и вдыхала его аромат.

Она вела себя так, словно это была ее игрушка.

Такая же безмолвная и бесправная, как и я.

И, вероятно, Темнейшая не очень-то расстраивалась, что ее избранник спит.

Пока он не отвергал ее, пока он был нем, она над ним властвовала.

Даже целовала его — о, стыд! — не стесняя меня.

И, казалось, упивалась своею властью на нем.

Несколько раз ее ладонь, протискиваясь под одеяло, задевала меня.

И я замечала, что ее кожа холодна, тогда как мужчина, прижавшийся ко мне, был теплым.

Несмотря на все, что со мной произошло, усталость брала верх.

Стыд растворялся в тяжести, наполнившей все мое тело.

Я успокоилась. Сердце мое перестало бешено колотиться.

Под одеялом стало уютно и тепло.

Болезненный жар моего тела исчез, я постепенно расслабилась и задремала, тем более что от меня ничего не требовалось более. Только смирно лежать — и все.

И, наверное, мне причудилось... Только в памяти моей, полусонной, отпечатались яркая темная тень, скользнувшая под полог шатра.

Не человек, но и не эльф.

Страшное существо, похожее на голодную крысу.

Словно кусок самой тьмы...

— Ах, дурная девчонка! — прошипела эта тень голосом, словно сотканным из сотен разных голосов. — Ты решилась на это?! Добра не жди! Ни один Владыка не был благодарен

за то, что его пробудили без его желания. И ни один не ответил любовью на то, что ты сейчас творишь!

Я испуганно вздрогнула и проснулась.

Но ничего не увидела.

Темнейшая и наши головы поспешно укрыла, чтоб та, что пришла, не видела ни мужчину, ни меня подле него.

И я могла только слышать, замирая от страха и прижимаясь к спящему, как к защитнику.

— Совет одобрил наш брак, — смело ответила на обвинения Темнейшая. — Род Темнейшего Вейлорна Тенебриса угасает. Его брат мертв. Не время спать!

— Темнейшие сами решают, когда им время спать, а когда — бодрствовать! — прокричали сотни голосов. — Это его выбор, его желание! Откуда ты знаешь, где блуждает его дух, за какими ответами он отправился в мир снов? Твоя забота об угасающем роде — ложь, ложь! Ты просто возжелала его и захотела взять, как спелый плод! И иной возможности у тебя не было. Темнейший Вейлорн никогда не посмотрел бы на тебя! Обман, ложь!

Темнейшая смолчала. Но в ее молчании было много оскорбленного достоинства и гнева.

— Я ровня ему, — выпалила она. — Отчего бы он никогда на меня не посмотрел?

— Потому что ты утратила достоинство! Ты не совлада с искушением, и это всегда в тебе было видно! Слишком суетливая, слишком нетерпеливая и мелочная! Ты глупа, но со своими решениями идёшь вперед — никакому Владыке это не понравится! Никто не захочет быть рядом с глупой женщиной! О, бойся часа, когда он пробудится! Бойся! Он будет в гневе!

— Это произойдёт не сейчас, — хладнокровно ответила Темнейшая. — Может, через столетие или через два. А я все это время буду с ним рядом. Я проведу с ним наедине это время, оберегая его покой!

Многоголосая тень усмехнулась.

— Думаешь, он будет благодарен?

— Я сумею завоевать его сердце своей верностью! — пылко ответила Темнейшая. — И он наверняка оценит мой дар и великую жертву!

— Никто не ценит ненужный дар! — выкрикнула тень. — Подарок, который не желанен, не греет сердца! Его легко выкинуть, подарить кому-то другому. Он не просил тебя об этом. И благодарен он не будет! Он выгонит тебя прочь! Надсмеется над тобой и подвергнет презрению!

— Владыка так не поступит со мной! — в голосе Темнейшей послышался страх.

Льдистый, остро отточенный, как клинок.

Такой кромсает душу на ленточки и прижигает холодом раны так, что душа мгновенно становится мертвой...

— Увидишь, как он поступит, когда проснется, — усмехнулась тень. — И лучше б тебе отказаться от своей затеи прямо сейчас! И вернуть его в Чертоги Спящих! Чтоб ничего дурного не случилось!

— Нет!

— Что это? О, ты и служанку ему подложила! Несчастливая, надо ж так низко пасть!

— Издревле служанки отогревали господ, — огрызнулась Темнейшая. — Что теперь не так? Я нарочно велела набрать самых чистых девушек в городе для этого!

— Ты! Набрала! — усмехнулась тень. — Набирать должна не ты! Отбор куда сложнее, чем тебе кажется! Ты даже не знаешь...

— Ты болтаешь слишком много! — крикнула Темнейшая и рванула полог шатра. — Пошла вон! Вон, нечистое отродье!

— Не послушаешься — вспомнишь мои слова, — хихикнула страшная тьма и выскользнула наружу.

А на меня опустилась тяжелая усталость.

Глаза слипались.

Я даже отважилась повернуться на бок, прижаться спиной к обнимающему меня мужчине, и с облегчением провалилась в сон...

Глава 14

— Вставай, негодница! Разлеглась! Тебе здесь не ночлежка!

Такими злыми словами меня наградить могла только Бесси.

Вряд ли Темнейшая знала, что такое ночлежка.

И вообще подозревала о существовании таких мест.

Я с трудом раскрыла глаза.

В горле першило, словно я простужена.

Лежала я на какой-то дерюжке, прикрытая тонким покрывалом. Разумеется, голая. Кто б меня одевал.

Было очень холодно, мое тело колотила неумная дрожь. От этой дрожи ломило все мышцы. Пальцы, казалось, оледенели и ничего не чувствовали.

Выбросили.

Как использованную, сломанную вещь! Выволокли из шатра Темнейших, бросили на ледяной пол. Спасибо, хоть прикрыли мой стыд.

Я хотела заплакать. Но, кажется, стужа выморозила меня досуха, и на слезы сил не осталось.

Бесси торопливо собирала мои разбросанные вещи. Об их сохранности никто не позаботился. Кому было дело до тряпок какой-то служанки?

На ее плечах поблескивал серебристым мехом мой плащ.

— Да-а-авай! — пыхла Бесси. — Шевелись, шевелись, девочка! Не спи!

— Что со мной, — пошептала я. Мои рыдания были сухи и беззвучны, и Бесси меня встряхнула как следует, как трясут акушерки новорожденных, заставляя их сделать первый вздох.

— Шутка, что ли, провести ночь бок о бок с Темнейшими? — грубо рявкнула она. — Думаешь, просто спала? Просто лежала? Как же не так!

Она подобрала даже чулки, и, присев рядом с моим жалким ложем, откинув покрывало, терла изо всех сил мои замерзшие ноги.

— Жива — и то ладно, — шептала она, натягивая на меня чулки, кинув мне рубашку. — Повезло тебе, девонька. Ну, шевелись, не то окоченеешь! Одевайся давай!

Непослушными руками я кое-как надела рубашку.

Она хрустела, замерзшая, и обжигала кожу.

— Хорошо, хорошо, — приговаривала Бесси, натягивая на меня корсаж и торопливо дергая шнурки, чтоб подогнать одежду по фигуре. — Ну, чего скисла?

— Я... — через силу выдохнула я. — И он... мы лежали...

— Ну, и что тут такого? — тут же затараторила Бесси. — Что такого? Ночку полежала смирно — и ничего в этом стыдного нет! Это же Темнейшие! Это честь для тебя, никчемной дурынды! А могла б вообще помереть. Темнейший мог бы вытянуть из тебя все тепло, все силы, всю жизнь! Но, верно, пожалел тебя. Ведь не тронул? Не испортил?

Я лишь отрицательно мотнула головой.

— Вот и молчи! Молчи о том, что было! Да и что было-то? Ничего! — угрожающе шипела Бесси, глядя немигающим взглядом мне в глаза. — Никому и никогда о том не говори! Поняла?

Я приняла эту информацию спокойно. Странно, мертвенно-спокойно.

Словно моя жизнь уже разбита вдребезги, и ничего не значит.

— Вот и хорошо, вот и славно! — ворковала Бесси, вертя меня, как куклу, дергая одежду, приводя ее в порядок, подтягивая завязки и застежки. — Не думай о том, что произошло. Стыдно — что ж, бывает в жизни и стыд. Его надо пережить. Главное — жива! Я всю ночь

караулила, чтоб не прозевать. Чтоб не застыла ты, значит, когда они тебя выкинут. И все прошло гладко, все хорошо!

Она сорвала с себя мой плащ, накинула его мне на плечи.

Тепло опустилось на меня густой волной.

Я вздохнула свободнее.

Ребра, которые, казалось, трещали от дрожи и от судорожных глотков, какими я дышала, перестали нудно болеть.

— А кто это заходил в шатер к Темнейшим, — вдруг спросила я. — Ты видела?

— Когда? — удивилась Бесси.

— Ну, ночью. Когда я уже...

«Лежала с ним» — эти слова застряли у меня в горле.

Было мучительно стыдно вспоминать свою нагую беспомощность и руки мужчины, обнимающие мое тело.

Но Бесси удивленно на меня уставилась, как на умалишенную.

Я даже позабыла свой стыд от ее удивления.

— К Темнейшим никто не имеет права входить, когда они спят, — произнесла она, вглядываясь в мои глаза. — Никто. Если б кто-то осмелился, его тут же казнили б. О чем ты говоришь, девочка?

— Но я видела тень, — неуверенно произнесла я. Бесси ухватила меня за руку и волокла прочь от этого места. А я едва переставляла ноги, волочась за ней.

— И слышала разговор...

Слова этого разговора надежно отпечатались в моей памяти.

«Отступись! Нельзя! Никогда он твоим не будет! Не захочет! Не заставишь!»

Отчего-то эти слова грели мне сердце надежнее, чем меховой плащ — тело.

Несмотря на свой стыд, я иногда вдруг ощущала сладкую истому, вспоминая прикосновения атласно-прохладной кожи Темнейшего.

И то, что он не любит Темнейшую, заставляло меня тихо радоваться.

Какие странные мысли посещают мою голову...

— Верно, тебе во сне причудилось, — ворчливо ответила Бесси. — Темнейшие мастера зывать к магии. Может, ты увидела краешек сна Повелителя? Ну и забудь. Для тебя все кончилось, и кончилось хорошо! Теперь его увезут дальше, вглубь Пня. В самую сердцевину. И он никогда тебя на ложе не позовет. Значит, и опасности замерзнуть насмерть для тебя не будет. Все хорошо!

Наверное, это хорошо.

Даже — это точно хорошо. Не будет больше стыда и ощущения собственной ничтожности, если больше Темнейших я не увижу.

Но отчего же так заныло сердце?..

Если кто-то подумал, что Бесси меня пожалеет и оставит отдыхать после того, как нашла умирающую от холода — то нет, вы не угадали.

Она приволокла меня на кухню, усадила у огня, сунула чашку чая в озябшие ладони.

— Вижу, тебе уже лучше, — проворчала она, осматривая меня внимательно цепким взглядом. — Даже твое свечение вернулось. Добрый знак. Ешь, и живее принимайся за работу. Нужно больше хвороста для печи! Пойдешь его собирать. Темные Слуги открыли проход на террасу. Заодно свежим воздухом подышишь и на солнце посмотришь. Ну, за работу!

Лия и Юна смотрели на меня со страхом, жалостью и с любопытством.

Им хотелось бы узнать, что я пережила. Но Бесси не оставила им ни малейшего шанса.

— Живо поворачивайтесь, бездельницы! — ругалась она. — Щетки в руки и мыть все кругом! Порядок сам собой не наведется!

Ругалась, впрочем, она зря.

Кухня их усилиями была теперь намного чище.

Вместо комков пыли и старой паутины на стенах были теперь изящные шкафчики.

Длинный рабочий стол вдоль всей стены — из беленого благородного дуба.

И пол такой же, белый и гладкий, приятно пахнущий деревом.

Не знаю, в который час Бесси подняла девушек, и сколько времени сейчас было, но они переделали много дел.

Умудрились и печь растопить, и посуду перемыть.

На красивых изящных полках, подвешенных на стены на кованых тонких черных петлях, были расставлены красивые горшки и миски разных размеров из белой обожжённой глины.

На их блестящих боках разноцветной глазурью были нарисованы тонкие замысловатые узоры.

Чашки, кружки, блестящие половники, отмытые котлы и сковороды — все было расставлено и развешено по своим местам и готово к использованию.

Стены кухни тоже были отдраены начисто, так, что были видны все деревянные узоры, между которыми змеились тонкие опаловые прожилки...

На завтрак была каша, травяной чай и кусочек сахара, такой маленький, что я проглотила его за один присест, запив глотком горячей жидкости.

Нехитрая пища медленно возвращала в мое тело тепло и жизнь. Силы наполняли мои дрожащие от слабости руки. С каждым мигom я становилась все сильнее, в голове прояснялось.

— Ничего-ничего, — ворчала Бесси, перебирая в мешке крупы, мешочек с мукой и солью. — Сходишь, проветришься... Тебе на пользу!

Я и глазом не успела моргнуть, как она отняла у меня опустевшую миску и чашку, сунула в руки топор.

— Ступай! — сурово прикрикнула она на меня. — Хватит уже лениться!

Глава 15

Бесси проводила меня до выхода, открытого Темными Слугами.

Вытолкнула наужу и поспешно закрыла вход, словно боялась мороза.

И я, с топором и ледянками на тонких полозьях, оказалась за стенами Пня.

После застоявшегося тяжелого и мертвого холода внутри глоток морозного свежего ветра снаружи показался мне невероятно вкусным и пьянящим.

Я действительно опьянела и некоторое время стояла, прикрыв слезящиеся от ветра глаза и жадно вдыхая морозную свежесть.

Утреннее зимнее неяркое солнце слепило меня, просвечивая алым шаром сквозь серую кисею облаков.

Терраса, куда выпустила меня Бесси, походила на огромный балкон.

Я даже рассмотрела небольшие перильца, которые почти сровнялись с землей, покрытой снегом.

Тут росли деревья — говорят, эльфы любят их, — и кустарники, спутанные, колючие.

Кто-то славно поработал здесь, приводя их в порядок.

Кустарники были порублены и острижены. Их спутанные, мертвые ветви лежали ворохом в углу террасы.

Там же лежали поломанные бурей сухие и дряхлые стволы деревьев.

Чьи-то руки вытащили их из ветвей деревьев. Чей-то топор их порубил на короткие бревнышки. Грузи и вези к пылающему очагу!

Была расчищена половина террасы. Вторая половина выглядела дикой и запущенной. И туда я решила не лезть. Стала собирать порубленный хворост и поленья.

А потом, подойдя к перилам, я вдруг увидела длинную-длинную, но прямую дорогу прямо от Пня и почти до нашего города.

Словно по ней много раз катались на таких же ледянках, какие у меня были.

И дух мой занялся от увиденного.

Привстав на цыпочки, я видела, что эта санная дорога уходит на полянку у опушки леса. Немного далековато от города, но ходьбы всего с полчаса. Да там даже дети иногда играют! Лепят снежные фонари и по ночам их зажигают!

Добраться-то домой можно...

И острая, как лезвие, мысль резанула мой разум.

Да это ж Бесси меня отпустила! Навсегда!

Велела убираться вон из страшного эльфийского мира! Безмолвно спасала, или изгоняла — кто знает.

Я ведь — по всем законам, — должна была замерзнуть насмерть этим утром!

Ведь, скорее всего, меня за этим и выбросили, спящую, на мороз! Чтобы не жила та, которую спящий Темнейший обнимал... Отработанный материал.

Для эльфов я мертва.

Никто искать меня не станет. Замерзла — значит, похоронена где-то. Или выброшена. Невелика потеря.

Я чуть не закричала во все горло от осознания того, что сейчас я свободна.

С силой зажала себе рот руками, чтоб не выдать себя.

Отшатнулась, уселась в снег, заливаясь слезами.

Вот прямо сейчас сесть на ледянку.

Направить полозья, оттолкнуться ногами, и через несколько минут я окажусь далеко внизу, практически у дома!

Спуск-то скоростной. Быстрый. Быстрее ловких лошадиных ног.

Но вдруг...

— Ищи лучше! — раздался знакомый сварливый голос. — Должны же они были что-то оставить взамен!

Я затаилась. Даже дышать перестала. Серым плащом накрыла свои ледянки с хворостом, отчего они стали похожи на кучу смерзшегося снега.

В той части террасы, где деревья остались не ухожены, где старый сухой бурелом крепко сплелся с еще живыми ветвями, по сугробам пробирались мои мать с отцом.

Они проваливались в снег, разгребали его руками и жадно искали... что-то искали под разломанным настом.

— Здесь, здесь должны были оставить, — протянула мать, разгибая уставшую спину. — Видишь — вон там они порядок наводили?

Оставили что?

Кто оставил?

Я затаилась, из-за спутанных кустов наблюдая, как мать и отец рыщут по сугробам.

Впрочем, не они одни.

С изумлением я увидела и еще людей из нашего города.

Они яростно копали снег, их руки покраснели от холода.

— Монета! — хрипнул отец простуженным голосом. — Золотая! Смотри!

— Тише ты, дурень! — ругнулась мать. — Никому не говори! Молчи! Тише!

Но золотой из его рук выхватила.

И залюбовалась им, поблескивающим на утреннем солнце, раскрыв от радости рот.

— Еще ищи! — рявкнула она, спрятав поспешно монету во внутренний карман, поближе к сердцу. — Дочери-то две! Значит, они нам больше должны!

Я так и сжалась от омерзения и обиды.

Слезы сами собой закапали из моих глаз так обильно, что весь мир превратился в размытую картинку.

Родные не проявляли никакого горя по поводу утраты нас с Юной.

Наоборот — они были очень рады. Рады тому, что за своих детей получают награду от Темнейших.

Да и награду ли?..

Несколько монет, пуговицы, изящные вещицы — всего лишь крохотные безделушки, потерянные Темными Слугами когда-то.

То, зачем они и возвращаться не подумают. Мусор.

Вот во что они оценили наши с Юной жизни...

— Ты гляди, пряжка из серебра! — заверещала мать и нырнула в снег с головой как мыскающая лиса.

Отец последовал за ней, весьма нелюбезно оттолкнув ее плечом.

— Как раз мне на пояс! — выкрикнул он. — Буду как важный горожанин ходить!

— Да еще чего! — возмутилась мать, очищая красными холодными руками драгоценность от снега. — Продадим! Смотри, какая тонкая работа! Это дорого может стоить!

Я вся сжалась, как замерзшая птичка.

Второй удар от людей, которых я любила, чтила и боялась.

Вот моя цена — серебряная пряжка!

Вернуться снова к ним?

Снова перед ними голову склонить и отдаться в их власть?

Чтоб они при любом удобном моменте променяли меня на стеклянные бусы?..

Радость моя от свободы погасла.

Стало неимоверно горько, и я молила небо только об одном — остаться незамеченной для этих людей.

— Дея? Ты здесь? — раздался еще один знакомый вкрадчивый голос. И я едва не вскрикнула, услышав свое имя. — Я чую твой запах, Дея. Никто так больше не пахнет, кроме тебя.

Глава 16

Я даже дышать перестала.

За этот голос, за мольбу в нем, я отдала бы раньше жизнь, не раздумывая.

Это Йен меня звал. Его голос я не спутала б ни с каким другим.

Вместе с родными уведенных девушек, он бы здесь. Рыскал в снегу, искал замерзшими красными руками.

Только они искали безделушки и монетки, а он — меня, ломая наст.

Будто думал, что после этой ночи эльфы выкинули меня прочь из своего жилища.

— Где же ты, Дея, — протянул он со странным чувством в голосе.

Тягуче и как-то страшно.

Как палач, отыскивающий свою жертву...

Настолько страшно, что я, вспыхнувшая было радостью и рванувшая к нему, осеклась и снова упряталась в тени спутанного кустарника.

На меня словно ведро ледяной воды перевернули, разом погасив в моей груди вспыхнувшие теплые чувства.

— Не может же быть, чтоб ты умерла! — почти шепотом произнес он с отчаянием и встал, измученный, переводя дух и грея дыханием обожжённые снегом ладони. — Этого не может быть! Ты не могла умереть! Ты не имела права умереть!

Какое странное заблуждение...

Он правда не подумал, чем для меня обернется его предательство?

Он настолько глуп?..

Или настолько беспечен?

Он что, рассчитывал, что я брошусь к нему в объятия после того, как родители как следует почешут мне спину поленом?

Ну да, только подождала б, пока ребра срастутся и синяки сойдут... И сразу побежала б с ним обниматься!

Он просто не думал о том, что мне предстояло пережить по его милости?

Наверное, в его мыслях я была покорной и бессловесной живой куклой.

Из тех, что безропотно принимают свою судьбу.

И не страдают.

— Я не виноват, — продолжил он свою покаянную речь таким же страшным, отчаянным, полубезумным шепотом. — Ты же знаешь, как я люблю тебя! Просто эти деньги... Ты же знаешь, у меня никогда не было столько денег в руках! Да, да, я их хотел получить, конечно! Но я думал, что мы с тобой вместе их потратим... На нас с тобой!

Слушая это странное покаяние, я заливалась слезами и изо всех сил зажимала руками рот, чтобы он не услышал ни единого всхлипа.

Наверное, раньше, влюбленная в него до безумия, я бы поверила в эту ложь.

Верить вообще легко, если очень хочется.

Но сейчас во мне что-то сломалось.

И я смотрела на Йена совсем другими глазами.

И видела его — другим...

Он ведь не обо мне печалился. И не о моей ужасной судьбе.

И жаль меня ему не было.

Он досадовал оттого, что потерял возможность быть со мной.

Он печалился о себе и о своих уязвленных чувствах.

Печалился, что ему приходится страдать от разлуки и потерянной любви — если его чувства можно назвать любовью.

— Я так люблю тебя, так люблю, — стонал он с отчаянием. — Если б у нас было время!.. Если б ты не повела себя так странно! Если б ты не пошла добровольно к эльфам, а осталась дома! Я бы потом все тебе объяснил, и ты бы обязательно меня поняла! Я знаю, что поняла бы! Жена... что жена? Она обязана почитать и слушаться мужа. Она бы сидела дома и занималась хозяйством. А мы бы с тобой были б счастливы, как и раньше. Как прежде ходили бы в лес, виделись бы часто-часто... В лесу есть сторожка, крепкий дом, небольшой, но хороший. Там мы б встречались. Может, я б даже тебя туда перевез. Чего б тебе жить с родными. Мы всегда были б вместе...

Он словно бредил наяву.

Шептал что-то о своих воспоминаниях, про то, как была прекрасна проведенная нами вместе осень.

И о том, как мечта обо мне ночами.

Как жаждал скорее заполучить мое тело.

И как лихорадочно придумывал, как собрать рассыпающуюся мечту, когда взял эти деньги... Как горел его разум, понимая, что все сразу — и деньги, и меня, — заполучить не получится.

От чего-то придется отказаться.

И как он не хотел отказываться ни от денег, ни от меня.

Ему предстояло сделать очень непростой выбор. И он его сделал...

Наверное, он был искренним в своих словах.

Может, и правда верил в то, что для меня такая жизнь была б счастьем.

Запертая в лесной темной хижине, одна, в лесу...

Была бы я счастлива, ожидая его каждый день? Переживая то время, что он проводил бы с женой, в тоскливом и отчаянном одиночестве?

«Ты правда думаешь, что этим подарил бы мне счастье?..»

— Я ведь ее не полюбил, — доверительно и жарко шептал Йен.

Он стоял в шаге от меня.

Раскаивающийся и отчаявшийся.

Но вместе с этим эгоистичный и холодный.

Теперь я это видела и изумлялась, отчего не видела этого раньше.

— Я с ней был! — упрямо, словно стараясь кому-то что-то доказать, произнес он. — Я отдал ей! Но не полюбил. Она неживая, у нее тело жесткое, неласковое. Она даже коснуться не может нежно! В ней тепла любви нет... И грудь — грудь маленькая, как недоразвитая...

Я закусывала губы, чтоб не разреветься в голос.

Выслушивая эти интимные откровения, я чувствовала, как острые ножи впиваются в мое сердце.

Он правда хотел оправдать свою измену этими «страданиями»?

Думал, что я все прощу ему потому, что у соперницы «жесткое тело»?..

Пожалею его, разочаровавшегося в «маленькой груди»?..

Может быть, раньше я б почувствовала превосходство над соперницей.

Мне было б лестно, что сравнение было бы не в ее пользу.

Но не теперь.

Что-то во мне сломалось...

— Я знаю, ты жива, — чуть не плача, шептал Йен. — Я это чувствую! Тобой пахнет тут, запах твоего тела витает над горой!словно горячий свежий хлеб! Ну же, подай знак! Отзовись... Ну же! Хоть звук, хоть слово! И я найду тебя. Я заберу тебя с собой. Я спасу тебя!

«Спасешь? От чего?»

— Я все, все отдам тебе! — шептал он. — Богатства свои! Хочешь? Даже куплю тебе дом в городе... Эльфы ведь тебя использовали, так? Взяли, что хотели получить? Отработанная

вещь. Значит, ты больше никому из людей не понадобишься. Никто тебя не возьмет, отмеченную эльфами. Да и эльфам ты теперь без надобности! А мне все равно. Я ведь тебя люблю! Только б нашлась...

Но я лишь беззвучно плакала.

Я не хотела, чтоб он меня нашел.

— А хочешь, — вдруг произнес он в отчаянии, — я откажусь от нее? Хочешь, не стану жениться?! Хочешь, брошу все?! Только найдись... откликнись!

Наверное, он и правда меня любил.

А может, просто был увлечен.

Или совесть его замучила.

Я не знаю.

На мгновение я заколебалась.

Мне захотелось покинуть свое укрытие, и если не уйти с ним, то хотя б поговорить.

Высказать ему свою обиду.

Бросить в лицо обвинения.

Но я не успела.

В этих же колючих кустах, как мышонок, подле меня оказалась Юна.

— Дея! — отчаянно шептала она, дергая меня за рукав. — Дея, идем скорее!

На родителей и прочих людей она смотрела с нескрываемым страхом.

Она ничего не говорила.

Но я поняла, отчего она тоже прячется, не показывается.

Они же тотчас нас разорвут!

Отнимут подаренную эльфами добротную одежду.

В поисках припрятанного золота и серебра и в рот залезут своими холодными жесткими пальцами.

Растреплют волосы, если не вырвут их вовсе, чтоб отыскать спрятанные дорогие шпильки.

— Идем скорее! — со слезами повторила она.

— Да что случилось-то?

— Темные Слуги пришли за Бесси! — выдохнула она.

Перевела взгляд на нее.

Отчаянные слова Йена все еще таяли у меня в памяти.

«Хочешь, я ото всего откажусь ради тебя?!»

Слишком заманчиво.

И верить в это очень хочется!

Как знать, может, он и вправду все осознал?

Может, ожегшись, я слишком демонизирую его?

Может, теперь-то, после разлуки, у нас все могло бы склеиться?..

— За Бесси? — удивленно переспросила я. — Зачем?!

— Они о тебе спрашивают! — ответила сестренка. — Тебя ищут! А она молчит!

«Молчит о том, что меня отпустила! — поразила я. — Иначе б они уже были здесь, и меня отыскиали!»

— Так отчего б ей знать, где я, — пролепетала я. — Темнейшие же меня выкинули... Я могла уйти куда-нибудь и там замерзнуть...

Юна отчаянно затрясла головой:

— Эта крыса, Лия! — выдохнула она жарко. — Она им сказала, что Бесси тебя приводила и даже кормила! Бесси твердит, что не знает, куда ты делась, а они... ой! Они колотят ее палками по пяткам!

Я еще раз оглянулась на Йена.

Он был уже далеко.

Обшаривал истоптанный снег вместе с остальными людьми.

У нас могло бы теперь получиться?..

— Идем скорее! — умоляюще протянула Юна. — Не то они до смерти ее заколотят! А ведь она тебе жизнь спасла!

Я лишь кивнула.

Верно, спасла. И негоже ей отвечать черной неблагодарностью.

— Как ты нашла меня? — перевязывая собранный хворост веревкой, быстро спросила я.

— Видела, как Бесси тебя выводит, — ответила Юна, шмыгая носом и помогая мне. — Я поняла, что она тебя отпустила. Она вечером рассказывала, как бабка Лии сбежала. Этим самым путем. И Бесси и тогда всыпали палок. Но ты не такая же, как эта семейка Лии, ты б не предала Бесси!

— Не предала бы, — согласилась я. — Ну, бежим скорее!

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.